

Николай Шамрин

Сержант полковой разведки

«Автор»
2026

Шамрин Н.

Сержант полковой разведки / Н. Шамрин — «Автор», 2026

Повесть «Сержант полковой разведки» идейно и сюжетно связана с романом «Баловень 2», образуя с ним дилогию. Её центральный персонаж — Олег Фролов, друг главного героя цикла.Повесть рассказывает о несгибаемом характере простого парня из рабочего сибирского посёлка, попавшего в плен к душманам.Для постоянных читателей это возможность узнать, как сложилась судьба сержанта Фролова; для новых — самостоятельная история, не требующая обязательного знакомства с романом.

© Шамрин Н., 2026
© Автор, 2026

Николай Шамрин
Сержант полковой разведки

Глава 1. Ночной «путник»

Случайному наблюдателю могло показаться, что неопределённого возраста оборванец-дехканин, вышедший глухой ночью из дома по нужде, увидев внедорожник с вооружёнными людьми, испугался и шарахнулся за дувал, чтобы не попасть под горячую руку охранников вождя местного племени. Всё было бы так, вот только кишлак давно оставлен людьми, и в нём уже несколько лет располагается лагерь для пленных кяфиров. Жители соседних селений старались обходить это место стороной, не желая навлечь на себя гнев здешнего правителя. Только дети, не взирая на родительские запреты, забегают сюда, чтобы поглазеть на похожих на безрогих сказочных дэвов шурави и диковинные автомобили заезжих гостей, у которых запросто можно разжиться заморскими шоколадками и другими сладостями. Лишь крайняя, на грани жизни и смерти необходимость могла привести путника в заброшенный кишлак поздней ночью. И если судить по глазам оборванца, именно отчаяние заставило его решиться на рискованный поступок.

Мужчина внимательно наблюдал за автомобилем, явно выжидая удобный момент для атаки, к которой подготовился весьма основательно: из кармана потрёпанной безрукавки торчала рукоять увесистого ТТ, а на сгибе локтя лежал новенький укороченный автомат советского производства. Лунный свет освещал его рыжую голову и измождённое, обросшее жидкой бородкой лицо европейца с характерными для славян чертами. Худоба и драная одежда выдавала в нём бывшего пленника, который, совершив побег, решил вернуться, чтобы отомстить своим тюремщикам. Однако месть была далеко не главным пунктом в планах ночного путника. Им руководило нечто большее. Он уже давно потерял счёт дням, неделям и месяцам, проведённым в афганском плену. Но сегодня тяготы и лишения долгой неволи не имели для него ровным счётом никакого значения. Несколько дней назад сержанту разведывательной роты танкового полка Олегу Фролову вместе с товарищем по несчастью удалось совершить побег. Они смогли бы добраться до советского гарнизона, но пуля, попавшая в ногу друга, заставила отказаться от замысла. Разведчику пришлось оставить раненного в горной пещере, а самому вернуться в заброшенный кишлак, где совсем недавно они дожидались своей участи в подземной тюрьме-зиндане. Парень рассчитывал найти здесь лекарства и какой-нибудь транспорт, чтобы забрать друга, вырваться из проклятых земель и сообщить командованию об оставшихся в плену товарищах.

Несмотря на злоключения последних дней, Фролов был внутренне спокоен, как будто рядом находились пацаны-разведчики, с которыми не раз выходил на задания. Удобно устроившись в развалинах, он не только терпеливо наблюдал за сидящими в джипе охранниками, но и пытался рассуждать о прошлом и будущем. Мысли перескакивали с одного на другое, терялись, выскакивали невпопад, снова терялись, но Олега ничуть не тревожило отсутствие последовательности. Он чувствовал приближение скорой развязки и верил в счастливый исход: «Зря я Пашку не послушался. Надо было не в горы, а к бетонке рвать. Вряд ли жилой кишлак далеко от шоссе. Прорвались бы на бетонку, а там сто процентов наши колонны с сопровождением. И что теперь? Вешаться? Поди сообрази, куда рулить… все орут, духи очередями шмаляют… Пашку еле-еле подхватил, а тут ещё казах, весь в кровище в кабине лежит. Жалко пацана … не довезли. Конкретный мужик. Если б не он, как знать, выгорело или нет. Слава Богу, по-людски похоронили. Главное, чтоб Паха выжил. Много крови потерял. Блин! Я всё-таки придурок. Надо было тогда не орать на него, а толковый план продумать. Сто лет нам горы не сдались … кстати, по-моему пашкина идея была к горам ехать. Зря я ему наган оставил. Не приведи Господь застрелится, чтоб обузой не стать. В жизни себе не прощу. Эх, жизнь, моя жестянка!

По уму мне не за Пашкой в горы, а к бетонке нужно ехать. Что толку в лекарствах, если они на арабском, а я в ихних закорючках ничего не понимаю? Только время зря потеряю. Доберусь до наших, любого генерала убедю, чтоб немедленно десантуру отправил. Никуда не денутся. Поверят. Сам дорогу покажу. Ничего, выдержу, не впервой. На вертушке минут десять лёту. По-любому, не больше. Главное, чтоб Пашка дождался».

Мысль об оставленном друге болью отозвалась в сердце, заставив на мгновение забыть о действительности. Тихо скрипнув зубами, Олег встряхнул головой и увидел, что охранники уже вышли из джипа. Он сразу выделил огромного роста мужчину: «Мордоворот в чалме, скорее всего, у них за старшего будет. Клоун, блин! Весь в пулемётных лентах крест-накрест. Мода, наверное. Перед своими выделывается. Видишь? Указания водиле даёт, значит, скоро в дом пойдут. Водила мотор не глушит. Это очень хорошо. Похоже, горючки под завязку. Бензин ладно, главное с ключами не придётся возиться. Впрочем, времени у меня и без того выше крыши. Пока в дом войдут, пока начальника охраны развяжут, пока разборки с ним начнут, я уже у жилого кишлака буду. По-хорошему их всем скопом валить нужно, но … нельзя. Местные раньше времени всполошатся, а мне лишний шум ни к чему. Ну, кажется, всё… к дувалу пошли. Пора!»

Олег прихватил автомат за цевьё, неуклюже перевалил через дувал, осмотрелся и тенью метнулся к машине.

Шофёр отодвинул кресло назад, откинул спинку и уже собрался включить любимую кассету с песнями из индийских фильмов, чтобы скоротать время до возвращения товарищей, как дверца внезапно распахнулась, и мощный удар прикладом автомата в голову погасил его сознание.

- Ну вот и ладушки. – Пробормотал Фролов, вытаскивая бездыханное тело из машины. – Скажи спасибо, что живой. Вы тут разбирайтесь между собой, а мне пора в дорогу.

Кишлак, в котором обитал всесильный вождь пуштунского племени Кабир-хан, встретил машину предрассветной тишиной и безмятежным покоем. Собаки, давно привыкшие к звукам моторов, не стали будить хозяев разноголосым лаем. Руководствуясь вековым инстинктом, они точно знали, что уже через несколько минут муэдзин призовёт правоверных мусульман к утреннему намазу.

Фролов, понимая, что его авантюрный план сработал на сто процентов, с трудом удержался от желания вдавить педаль до самого пола… А ещё через пятнадцать минут ошалевший от радости разведчик уже выезжал на бетонку. «Ну вот и всё! – Думал Олег, не в силах сдержать слёзы. – Ты только не вздумай помирать, Пашка! Держись, братишка. Всё будет путём. Обещаю. Доберусь до своих и сразу к тебе. Главное, чтоб ты дождался. Я скоро заберу тебя из этой долбанной каменной норы» …

Глава 2. Первое сопровождение прапорщика Чечевицына

Несмотря на молодость – прапорщику Чечевицыну недавно исполнилось двадцать три - в батальоне он считался опытным командиром взвода. Как-никак больше полугода за речкой, к тому же неоднократно и всегда по делу поощрялся.

Сегодня его взвод впервые задействовали на сопровождении. Раньше ротный держал гранатомётчиков у себя под рукой в качестве резерва, однако на этот раз батальону нарезали дополнительный участок, и капитану поневоле пришлось отказаться от «личной гвардии».

Чечевицын уже подыскал для второго бэтээра подходящую промоину в непосредственной близости от шоссе и теперь, сидя на пригорке, наблюдал, как экипаж занимается обустройством временного поста. Полюбовавшись на набирающий силу рассвет, прапорщик полез в карман за сигаретами и в этот момент из люка высунулся водитель.

- Гляди, командир! – Ефрейтор орал так, что Владимир выронил пачку. -Барбухайка к нам прёт! Гадом буду, смертник! В это время здесь никто не ездит. Командир! Валить душару надо! Отвечаю! Иначе нам всем трындец. В него с полтонны динамита войдёт.

В два прыжка очутившись за пулемётами, Владимир навёл прицельную марку в середину радиатора приближающегося автомобиля и нажал кнопку электроспуска. Машина, словно наткнувшись на невидимое препятствие, несколько раз вильнула из стороны в сторону, а затем, завалившись на бок, покатилась под откос.

- Ну как? – Как будто небрежно спросил Чечевицын. – Класс?

- Класс! – Уважительно поддакнул водила. - Только душман походу выпрыгнуть успел. Я сам видел, как дверца отлете …

Последние слова бойца утонули в грохоте взрыва. Над пустыней поднялся столб красно-чёрного пламени.

- Надо ехать на место. – Хрипло выдавил прапорщик. Он вдруг почувствовал страх, но не мог понять причину. – Осмотримся. Вдруг дух выжил?

— Это вряд ли. После такого даже заговорённый не выживет. Отвечаю. Одним стрёмно. Надо бы пару пацанов захватить.

- Ехай уже! По дороге Стасика возьмём.

- Как скажете, товарищ прапорщик.

Через пару минут бронетранспортёр остановился у обочины.

- Ничего себе?! – Присвистнул водитель. - В первый раз вижу, как барбухайка горит. Наших подбитых вдоволь насмотрелся. Даже танк без башни видел…

- Помолчи. – Сердито оборвал Чечевицын. – Где твой душман? Видишь его? Я тоже не вижу. Неужели сбежал?

— Это вряд ли. – Повторился ефрейтор. – Рвануло со всей дури. Хотя походу тротила в ней не было. Иначе на куски разлетелась бы. А так только бочину, где бензобак, разворотило. Не понимаю, товарищ прапорщик. Зачем он тогда на нас пёр, как сумасшедший? Может, предупредить о чём-то хотел? На сопровождении всякое бывает. Вот помню, пару месяцев назад …

Прапорщик вдруг почувствовал, как спина покрылась жаркой испариной. Сейчас он точно знал причину непонятного страха, раскалённой иглой застрявшей в мозгу. «Не приведи Господь, мирного грохнули! – В отчаянии думал Владимир. Он старался, но не мог справиться с дрожью. – Ротный сто раз предупреждал, что вокруг только лояльные кишлаки. И что мне теперь делать? Успокойся! Для начала разыщи афганца, а там видно будет».

- Хватит трепаться. – С кажущимся спокойствием произнёс Чечевицын. - Бэтэр на бугор загони. Чтоб в прямой видимости был. И не вздумай мне дремать! Один остаёшься. Чего сидим, кого ждём? – Развернулся к сидящим за башней бойцам. - Берите щупы и вперёд дорогу проверять. – Проводив взглядом солдат, понизил голос почти до шёпота. – Стас, поговорить надо.

- Базара нет. – Понимающе кивнул сержант и ловко спрыгнул на бетонку.

- Что делать, Стас? – С надеждой посмотрел на земляка Чечевицын. - А если это не душман, а обычный пастух? Вдруг при нём оружия не будет? Мне же точно срок впаяют! Никто даже разбираться не станет.

- Обычные пастухи на таких тачках не ездят. – Резонно заметил сержант. – Походу даже не «Симург», а «Тойота». Наверняка кто-то из ихнего начальства…

- Ещё хуже. – Окончательно приуныл Владимир. – Теперь мне точно кранты.

- Хватит сопли распускать. – Повысил голос сержант, но так, чтобы не было слышно бойцам. – Найдём труп, в костёр бросим и все дела. Вообще вопросов не будет. Ротному доложишь, что дух на нас уже на горящей машине пёр. Мол, выхода не было. Не боись, командир! Я пацанов предупрежу. Они подтвердят.

- А если он всё-таки жив? – Робко взглянул на земляка прапорщик. – Что тогда? Его ведь в госпиталь надо будет везти.

- Никого никуда отвозить мы не будем. – Раздельно, почти по слогам, произнёс Стас. – На месте добьём …

- Добьём? – В глазах Чечевицына плескался первобытный страх. – Я не смогу. Я не умею!

- Тише ты! – Зло одёрнул зам. - Тебя никто не заставляет. Сам управлюсь. Лучше подумай, что в объяснительной писать будешь. Надо, чтоб коротко и по делу. Типа: «Уже на ходу горел. Выхода не было, так как боялся за жизни подчинённых». – Посмотрев в сторону дымно-огненных всполохов, рывком одёрнул разгрузку. - Ну что, земляк, пошли? Пацаны уже отмашку дали.

Тело шофёра долго искать не пришлось. Оно лежало метрах в пятнадцати-двадцати от полыхающего автомобиля, в неглубоком русле давно высохшего ручья.

- На месте стоим. - Сержант негромко бросил через плечо. - А лучше, отойдите подальше. Я сам осмотрю. Вдруг что не так.

- Только недолго. – Хрипло выдавил взводный.

- Разберусь.

«Совсем земеля поплыл. – Думал Стас, спускаясь вниз. – Того и гляди слезу пустит. Ну и ладно. Теперь всю жизнь обязан будет. Если дух живой, придавлю коленом горло и все дела. Надо только карманы проверить. Вдруг афошки завалялись? Ему уже ни к чему, а мне пригодятся. Офигеть! – Тихо присвистнул он. – Мужик-то рыжий».

Опустившись на колени, сержант осторожно приподнял кисть и вздрогнул от неожиданности: между большим и указательным пальцем виднелась бледно-синяя татуировка, сделанная неумелой рукой: «Фрол 1966».

Мужчина слабо вздохнул, чуть приоткрыл глаза и еле слышно шепнул:

- Слышь, Пашка? Походу я до наших добрался …

Стаса слово молнией ударило: вскочив на ноги, заорал не своим голосом:

- Свой, твою мать! Живой! Давай быстрее, пацаны, иначе реально кони двинет.

Уже подъезжая к расположению медроты, Чечевицын вдруг поймал себя на мысли, что ему не хочется, чтобы этот длинный, худой, рыжеволосый парень выкарабкался из небытия.

Прапорщик не чувствовал угрызений совести. Просто ему не хотелось в тюрьму.

Глава 3. Разбор полётов

Ротный нисколько не сомневался, что окажется крайним в истории с утренним инцидентом, поэтому по дороге на КНП батальона пытался выстроить более-менее сносную линию защиты.

«Подбросил парпор проблему! - Мысленно возмущался старший лейтенант. – Главное, в глаза врёт и не краснеет. Мне что теперь делать? Гнать туфту про «горящего смертника»? Только начни, комбат со смеху помрёт, а потом на британский флаг порвёт. Я его знаю. И ведь самый спокойный участок нарезал Чечелю. Делов-то. Сиди, смотри и своевременно докладывай. Всё! Нет, твою мать! В войнушку решил поиграть. Всё бы ничего, сидел бы за рулём афганец. Никто даже заморачиваться бы не стал. Выкручивайся теперь. Плохо, что ни одной путной мысли в голову не приходит. Интересно, успел прапор псевдодушмана живым до медроты довезти? Хотя, какая теперь разница? Короче, будь что будет».

***

- Хорош. – Хмыкнул майор. – Явился, не запылился. Присаживайся, старлей. Знаешь, Витя, что самое главное в сопровождении?

- Ну, если в общих чертах, - неуверенно начал ротный, - то чтобы без чепе обошлось.

— Вот именно! – Для пущего эффекта прихлопнул ладонью по столу командир. – Тогда ответь мне, Виктор Александрович, почему у тебя постоянно всё никак у людей получается? В

это время суток здесь никто, кроме нукеров Кабира не ездит. А знаешь, кто такой этот самый Кабир?

- Знаю. Вождь местного племени.

- Верно. Только не просто вождь, а вождь лояльного к центральной власти племени. Считай, наш союзник. Говорят, духи его земли за сто вёрст стороной обходят. Ты хоть понимаешь, что натворили твои обормоты? Да против нас теперь вся зелёнка поднимется. Мне что, прикажешь комбригу докладывать? Что ты болт забил на приказ? Чего молчишь? Язык проглотил?

Виктор, сообразив, к чему клонит начальство, почувствовал противный холодок на сердце. Ещё не зная продолжения, ляпнул наобум:

- А вот тут как раз неувязочка образовалась, товарищ майор.

- Какая такая неувязочка? – Исподлобья взглянул комбат. - Решил ответственность на прапорщика переложить? Сам фактически подставил Чечевицына, а теперь как бы не при делах? Не стыдно?

- Ответственности я не боюсь, товарищ майор. Ни служебной, ни партийной. И за спины своих, как вы выразились, «обормотов» никогда не прятался. Но и лишнего на нас вешать не надо! За рулём сидел не кабировский нукер, а русский парень. Скорее всего, бежавший пленный. – Ротный вдруг поймал себя на мысли, что только сейчас, после жёстких, несправедливых слов командира, он сумел правильно оценить ситуацию, и это открытие придало уверенности. – Скажите, товарищ майор, откуда вдруг у Кабира ни с того ни с сего взялся русский водитель? Я уверен на все сто, что парень сумел каким-то образом бежать из плена. Отсюда выходит…

Виктор неожиданно потерял нить разговора и умолк.

- Что «выходит», Виктор? – Пришёл на помощь майор. - Пока что ничего конкретного я не услышал. Так. Эмоции и сопли. Может, толком объяснишь? Или замнём для ясности? Чтоб комбриг денька через три с нас те самые три шкуры спустил. Как тебе такой вариант?

Насмешливый саркастический тон взбодрил старшего лейтенанта, и он продолжил уже без надрыва:

- Выходит, товарищ майор, что у Кабира есть наши пленные. По-другому не объяснишь. Выходит, товарищ майор, что вождь никакой не союзник, а такой же враг, как Раббани или Хекматияр. Только затаившийся и рангом пониже. Отсюда получается, что мои «обормоты» всё сделали правильно. Боевики Кабира преследовали парня и смогли поджечь машину. Отстали, когда нас заметили. Думали, что не дотянет. Всё сходится, товарищ майор. Чечель не виноват.

«А ведь он прав! – Задумался комбат. - Если не вдаваться в подробности, а обратить внимание начальства на эти обстоятельства, то комбригу будет совсем не до Чечевицына. Ему бы с Кабиром разобраться. Да так, чтобы безболезненно краями разойтись. Политика, брат! Ладно. Закончу с сопровождением, лично к комбригу поеду. Выслушает, никуда не денется. Ситуацию на самотёк отпускать никак нельзя. Дело в любую сторону можно развернуть. От медали «За БЗ» для прапорщика до капитанских звёздочек на моих погонах. Всё зависит от подхода. Так что вариант ротного нуждается в основательной доработке. А для этого нужна полная информация».

Комбат встряхнул головой и с удивлением обнаружил, что старший лейтенант продолжает, казалось бы, уже законченный монолог:

- … Вы его, товарищ майор, не видели. А я видел. Рыжий, худющий, как узник Бухенвальда. Короче, ходячий скелет с козлиной бородкой. Ума не приложу…

- Погоди, не мельтеши. – С досадой оборвал майор. - Времени нет. Вот как мы с тобой сейчас поступим, Виктор. Ты прямо отсюда езжай в медроту. Попробуй переговорить с … мм … беглецом. Нам край как нужно первыми его послушать. Комбриг пока никак не отреагировал на доклад. Не до того ему. Так что у нас с тобой фора есть.

- Так там же Чечевицын! – С обидой возразил ротный. Ему очень не хотелось ехать в медроту. – Он что, по-вашему, не догадается? Вы недо …

- Хватит! – В сердцах рявкнул комбат. - Хватит ахинею нести! Не та ситуация, чтоб на подчинённых полагаться. Я бы сам поехал, да комбриг не поймёт…

- А если он того… Умер? Или доктора не разрешат?

- Дурака включил? Умер, значит, с врачами пообщайся. Мало ли что беглец в бреду наговорил…

***

Чечевицын встретил ротного у дверей госпитального модуля. Он выглядел усталым и осунувшимся.

- Как дела? – Ограничился пустым вопросом старший лейтенант.

Взводный несколько секунд непонимающе смотрел на командира, затем торопливо и сбивчиво заговорил, то и дело перескакивая с одного на другое:

- Дела как сажа бела… повезло, что живым довезли… мужик всю дорогу бредил… По-русски. Русский он, отвечаю… Сейчас не знаю, живой или… Бредил про какую-то пещеру и своего братана. Что за братан? Врач сразу сказал, что в Кабул надо… Потом решил, что не… Как это? Да! Не перенесёт перелёта. А что ему будет в вертолёте? Все летают и ничего… Операция недавно началась... полтора часа, наверное. Я хотел пройти, но сестра обматерила, выгнала… Стерва. Что теперь со мной будет, Саныч? Я же как лучше хотел! Даже живым сюда привёз.

— Вот что, Володя. – Сочувственно произнёс ротный. - Иди-ка ты в роту. Из-за взвода не парься. Сам покомандую. Душ прими, выпей маленько, успокойся, короче. Всё будет нормально. Я только что от комбата. Он сказал, что ты действовал правильно. Майор комбригу так и доложил. Лично слышал.

В глазах прапорщика появилась слабая надежда. Он даже постарался взять себя в руки. Внешне получилось не очень хорошо, однако речь стала связной:

— Это сейчас. Пока начальству не до меня. Проводка закончится, время появится, разборки начнутся …

- Я что сказал?! – По-комбатовски рявкнул старлей. – А ну, марш в расположение!

В вестибюле ротный едва не столкнулся со спешащей по делам медсестрой. Молодая женщина, на ходу бросив что-то нелицеприятное, хотела пройти мимо, но тот успел придержать её за руку.

- Извини, сестрёнка. – Расцвёл в улыбке старший лейтенант. - Я только хотел узнать про раненного, которого часа два назад привезли.

- Ты, «братишка», своих «сестрёнок» в детском саду поищи. – Высокомерно вскинула подбородок девушка. – Вообще-то здесь медрота, а не сельский клуб с танцульками. Ты про рыжего спрашиваешь?

- Ну да. Мне поговорить с ним нужно. Поверь, сестрёнка, это очень важно. Можно сказать, вопрос жизни и смерти.

- Словами не бросайся. Накаркаешь. Он сейчас в операционной.

- Надежда есть?

- А кто его знает? – Равнодушно пожала плечами сестра. - Сан Палыч третий час над ним колдует. Шансов мало. Ранения тяжёлые, организм истощён. Вся надежда на доктора Ларионова.

Глава 4. Несколько месяцев тому назад

Командир полка откинулся на спинку стула, обвёл взглядом присутствующих и продолжил спокойным голосом:

- Задача, как вы понимаете не слишком сложная. Блокировать указанный район в интересах афганской семнадцатой пехотной дивизии. Целью операции ставится ликвидация базы вооружённого формирования мятежников. С нашей стороны моим решением к операции

привлекается второй мотострелковый батальон, усиленный танковой ротой и артиллерийской батареей. – Взглянув на часы, подполковник повернулся к начальнику штаба. – Виталий Константинович, у тебя есть тридцать шесть минут, чтобы уточнить задачу начальнику разведки. Присутствие командира разведроты на вашем совещании считаю обязательным. Времени на подготовку батальона и приданных подразделений более чем достаточно, а разведка уже сегодня должна выдвинуться в район. Всё ясно? Тогда все свободны, товарищи офицеры.

***

Начальник разведки чуть придержал командира роты за рукав.

- Кого думаешь старшим назначить? – Майор только неделю назад прибыл по замене и поэтому целиком полагался на капитана Самойлова, отслужившего за речкой без малого полтора года.

Ротный, которому командир полка лично обещал должность начальника разведки, с трудом сохранил невозмутимое лицо:

- Лейтенанта Гладышева. Знаю. Молодой офицер. Однако сержанты у него опытные. Фролов вообще целый месяц обязанности командира взвода исполнял. Так что не переживайте, товарищ майор, проблем не будет. Разрешите идти? А то времени реально в обрез.

Начальник, вполне понимая состояние капитана, не решился обострять и без того непростые отношения:

- Идите, Андрей Сергеевич. Моя помощь нужна?

- Сами управимся. Я доложу, как будем готовы.

***

В курилке позади казармы было полно народу. Однако, увидев неспешно шагающего сержанта, бойцы потеснились, освобождая почётное место ветерану. Иначе и быть не могло. Конечно, орден «Красной Звезды» и медаль «За отвагу» можно и на груди штабного писаря увидеть. Но только тогда, когда «герой» уже вернётся в Союз. А Олег Фролов свои награды в рейдах и поисках заслужил. Ему стесняться нечего. Другое дело, что ордена и медали здесь надевают только чтобы сфотографироваться для альбома или стенгазеты. Ну и на праздники. И то, если командиры прикажут.

Мишка с необычной для коренного рязанца фамилией Джигитов, протянул зажжённую спичку:

- Прикуривай, братан. – Глядя, как товарищ делает первую затяжку, вздохнул с откровенной завистью. – Счастливчик ты, Фрол! Каких-то два месяца до дембеля осталось. Родаки, наверное, уже заждались? Да и девчонка твоя… та, которая на фотке. Письма-то пишет? Я что-то давно у тебя писем не видел. Не случилось ли чего? Сам знаешь, не всякая тёлка пацана из армии дожидается. Только и ждут, как бы замуж выскочить. Поди потом разберись, что к чему.

Олег внутренне напрягся: он никому не рассказывал, что никогда не видел своих родителей. Его воспитывала бабуля, наловчившаяся уходить от надоедливых вопросов внука про мать и отца. Да и девушки у него тоже не было. Той, которую принято называть подругой. Именно поэтому Фролов терпеть не мог задушевные беседы о доме и о девчонках. Товарищи, конечно, приставали с расспросами, но до сих пор ему удавалось как-то выкручиваться. Не будешь же рассказывать пацанам, что фотку красавицы случайно нашёл в казарме учебки? Нашёл, да так и оставил у себя. Навроде талисмана.

Олег хотел было сделать вид, что погружён в чрезвычайно важные мысли, однако, заметив настороженные взгляды притихших от любопытства сослуживцев, лениво процедил сквозь зубы:

- Слышь, Джигит? А тебе не всё равно? Я же не спрашиваю тебя насчёт фамилии? Не спрашиваю. Потому что не моё дело. Вот и ты не лезь, куда не просят. Целее будешь.

- А чем тебя моя фамилия не устраивает? – Всерьёз обиделся Мишка. - Нормальная у меня фамилия. Не чета некоторым.

Фролов решил раз и навсегда закрыть неудобную тему. Щелчком отправив окурок точно в гильзу от танкового снаряда, насмешливо прищурился:

- Не парься. Классная у тебя фамилия, Мишка. Громкая, можно сказать. Только когда ты начинаешь без спросу в душу лезть со своими письмами да фотками, я всегда вспоминаю, как ты на зачистке с ишака грохнулся. Вот и получается, что до настоящего джигита тебе как до Москвы раком …

Курилка взорвалась дружным смехом. Мишка, раскрыв рот, лихорадочно подыскивал слова для достойного ответа, но в этот момент из-за угла казармы выглянул дневальный.

- Олег! – Заорал он дурным голосом. - Тебя и Лёху ротный к себе зовёт. Давайте быстрее. Смурной он какой-то. Взводного не видел? Блин! Где его искать-то?

***

Капитан сидел за столом, опершись щекой на кулак. Исподлобья взглянув на вошедших, приглашающим жестом указал на скамейку:

- Присаживайтесь поближе к карте. Свои листы разбирайте. Побыстрее. Времени вообще нет.

Дождавшись, когда лейтенант и оба сержанта будут готовы к работе, сразу приступил к делу:

- Повторюсь: времени на подготовку очень мало. Как и толковой информации. Если в двух словах, то через несколько дней должна начаться совместная с афганцами операция. Вроде всё как обычно. Полк блокирует район, а зелёные осуществляют зачистку. Речь идёт об уничтожении крупной базы душманов. Впрочем, это, слава Богу, не наш вопрос. Командир полка поставил задачу проверить наличие огневых точек противника на господствующих высотах. Их в районе предстоящей операции несколько. Если принять основную тропу за некую ось, то получается, что на слева таких высоток четыре, а справа пять. – Оторвав взгляд от карты, задумчиво оглядел присутствующих, явно определяясь с выбором. Наконец, приняв непростое для себя решение, снова опустил взгляд на карту. – Действовать будете двумя самостоятельными группами. Группа лейтенанта Гладышева возьмёт на себя левую сторону, а ты, Фролов, соответственно правую.

- Разрешите, Андрей Сергеевич? – С тихим возмущением посмотрел на капитана взводный. - Вы, наверное, оговорились…

Ротному хватило характера и такта, чтобы, оставаясь спокойным, на корню задавить назревающий конфликт.

- Вадим Ярославович. – Ровным голосом произнёс он. - Дело не ваших командирских качествах, в которых лично я нисколько не сомневаюсь. Дело в опыте. А опыт, как известно, дело наживное. За полтора месяца службы в Афгане его нажить просто невозможно. И ещё. Не надо стесняться учиться у подчинённых. В общем, будь попроще, и люди к тебе потянутся. Вернёшься из поиска, я, так и быть, расскажу пару историй из своего, так сказать, «боевого» прошлого. Обхохочешься. Ну что? Будем считать вопрос закрытым?

- Так точно, товарищ капитан. – С готовностью кивнул лейтенант, в душе проклиная себя за невыдержанность и по-детски пылающие уши.

- Теперь о связи. – Как ни в чём не бывало продолжил командир. - С собой возьмете новые сто пятьдесят девятые с запасом батарей. «С собой» — это значит, что во время поиска не снимаете их со своих горбов. Понятно? Дальность получается на пределе, но я договорился с первым комбатом, что на его заставах будет организовано круглосуточное дежурство. Будете держать связь через них. Оно как бы и сейчас организовано, но майор обещал взять вопрос под личный контроль. Мало ли? Теперь о главном. Наша задача - выявить наличие огневых и наблюдательных точек на господствующих высотах, а не уничтожить их. Понятно? Увидел, отметил на карте, передал координаты и незаметно растворился во мраке ночи. Про «ночные мраки» шучу. А сейчас без шуток, мужики. В бой вступать только в крайнем случае.

Если деваться будет некуда. Короче. Выйдете на маршруты, осмотритесь, а дальше действуйте согласно обстановке. Вопросы есть? Вопросов нет. Смотр готовности через полтора… нет… уже через час. Приступайте.

Продолжение следует.

***

Фрол ещё на спуске заметил неширокую седловину, склоны которой были покрыты травой и редким кустарником.

- Щас, пацаны! – Хрипло бросил через плечо. – Спустимся и сразу привал. Трава в самом низу густая. Наверняка родник или лужа какая есть.

У подножия его догнал младший сержант Камбаров, командир третьего отделения, чей личный состав был распределён между поисковыми группами. Роман сам напросился к Олегу, потому что считал, что новый взводный придирается к нему безо всякого повода.

- Слышь, Фрол? Ты, конечно, командир. Это без базара. Но сам посмотри. Место в натуре стрёмное. Если духи где-то здесь посты расставили, то нас на раз-два засекут. Им даже патроны тратить не придётся. Камнями с верхотуры завалят, и все дела. Считай, мы сами себе братскую могилу выкопали. Давай без привала? Осмотримся, воды наберём и уйдём от греха подальше.

Олег поморщился для порядка, однако возражать не стал. Он уже сам сообразил, что принял неудачное решение.

- Согласен. Воды наберём и уйдём. Вода здесь точно есть. Давай, дуй в замыкание, пацанов подгони. А то растянулись, как караван ослиный.

«Ещё сутки не прошли, а я уже почти в отключке. – Думал Фрол, сидя на корточках у кромки травы. – Надо же было с привалом так облажаться? Хорошо, что Камбар вовремя просёк. Ладно, проехали. Трава не примята, следов нет, значит, мин тоже нет. А вода точно есть. Свежестью тянет».

На водопой ушло почти двадцать минут. Уставшие разведчики, заправив фляжки прохладной водой, с тоской поглядывали на вершину очередной, третьей по счёту горы.

- Всё пацаны! – Рывком поднялся на ноги Фролов. - Харе время тянуть. Тут делов всего на полчаса. Заберёмся на сопку, осмотримся и до самого утра на массу придавим. Порядок следования прежний. Я в голове, Ромка в замыкании. – Оглядев неохотно поднимающихся бойцов, с ехидцей закончил. – Что, Джигит? Ноги, небось, до самой задницы стёр? Надо было не носки, а портянки.

- Портянки для кирзачей. – Возразил рязанец. - А у меня кимры. Куда в них портянки? И никакая это не сопка. Ты бы её ещё холмиком назвал…

Джигитов не успел сделать шаг, как крепкий подзатыльник заставил втянуть голову в плечи.

- Охренел?! – Зло оглянулся на Камбарова. – Себе постучи.

- Заткнись и забери рацию у Фрола. Не видишь, еле ноги волочит? Или забыл, что связист? Так я напомню.

- Да не отдаёт он! Упёрся, как баран. Видите ли, ротный приказал. Как будто кэп за нами с неба присматривает…

***

Командир передового рубежа обороны Камбиз Сабири, выслушав доклад заместителя, задумался на несколько минут. Приняв решение, поднял глаза на стоявшего перед ним молодого мужчину:

- Вы утверждаете, Хайрулла, что разведгруппа шурави остановилась на ночлег почти в прямой видимости передового поста? Вы знаете, сколько людей в группе?

- Восемь. За спиной старшего тяжёлая рация.

- Восемь? – Уточнил командир, сделав вид, что не расслышал последней фразы. - Нам не нужен лишний шум, но и незваные гости нам тоже не нужны. Разведка — глаза и уши

врага. Уничтожив группу, мы не лишим противника зрения и слуха, но сможем сделать его менее зорким и менее чутким. Высылайте отряд Мардана. У него достаточно опытных воинов, чтобы решить проблему быстро и без стрельбы. Он рассказывал, что обучался в лагере «Чёрных аистов». Настало время показать своё мастерство на деле. Передайте Мардану, что утром нового дня я жду от него хороших вестей.

Хайрулла слегка наклонил голову и приложил руку к сердцу:

- Мардан должен брать пленных?

Камбиз, степенно пригладив бороду, прикрыл веки, словно испрашивая совета у Всевышнего. Выдержав подобающую паузу, негромким голосом завершил разговор:

- Нет. Только старшего группы.

***

Распределив дежурство между бойцами, оба сержанта присели у каменной стены, обломком акульего зуба уходящей в темнеющее небо.

- Будешь? – Протянул сигарету Камбаров. Дождавшись, когда товарищ прикурит, пробурчал, глядя на бледную луну. – Хреново что-то на душе.

- С чего бы? – Пожал плечами Фролов. – Вокруг тишина и покой. Завтра две высотки прошманаем и на точку. Делов-то…

- То-то и оно, что «тишина и покой»! – Резко развернулся Роман. - Как на кладбище. Сам посуди. Ни самолётов, ни вертушек… связи тоже нет. Прёмся незнамо куда и зачем.

- Хорош психовать, Камбар. – Смачно сплюнул Олег. – Завёл, блин, шарманку. И то тебе не так, и это не по-твоему. Сам знаешь, что раз на раз не приходится. С чего взял, что связи нет? Может, это только мы не слышим? В горах всяко бывает. Всё путём, братан. Место мы с тобой клёвое выбрали. Лучше не бывает. Курорт, да и только. Вся округа как на ладони. Мы здесь как в крепости. Чего тебе ещё не хватает?

- Сам не знаю. – Вздохнул Камбаров. — Это я только тебе. Как брату. Когда в полку… ну, на занятиях там или на дежурстве… Вроде, в самом деле всё путём. Служба и служба. Какая разница, где служить - в Союзе или за речкой. Но как только на задание выхожу, сразу муть всякая в голову лезет. – Отшвырнув недокуренную сигарету, пристально посмотрел другу в глаза. – Вот скажи, Фрол, что мы здесь делаем? Я не про сейчас… Не про выход. Я про «вообще». Коммунизм афганцам несём? Да на кой он им сдался? Жили тыщу лет своей жизнью, ну и пускай бы дальше жили. Мы-то здесь при каких делах? Нам бы в своём доме порядок навести.

- Ты щас о чём? – Напрягся Олег. - Да от тебя за километр контрой прёт!

- Причём здесь «контра»? – С досадой поморщился Роман. - У нас в городе все бабы по выходным в область за колбасой ездят. Колбаса — это как бы для примера. На самом деле всё, что под руку подвернётся, хватают. В наших магазинах, кроме крупы, кильки в томате, водки - хоть шаром покати. Если повезёт, счастливыми домой возвращаются, еле сумки прут. Как будто счастье в колбасе. А везёт всё реже и реже. Недавно батя написал, что с водкой в последнее время проблемы. Слухи ходят, что скоро продукты по талонам продавать будут. Как во время войны по карточкам.

Фролову, привыкшему принимать жизнь такой, какая она есть, стало даже не тоскливо, а как-то скучно.

- Слышь, Ромка? Ты это… забей, короче. Вернёмся домой, тогда и разбираться будем. Сейчас не время жалиться. Ложись спать, а я пойду посты проверю.

Реакция друга была неожиданной: оттолкнув руку Олега, настороженно посмотрел ему в глаза:

- Тихо! Слыхал?

- Чего?

- Мне в натуре хрип сейчас послышался.

- Пошли посмотрим? – Зачем-то спросил Олег.

Камбаров кивнул, беря оружие наизготовку:

- Пошли. Рацию оставь, а разгрузку возьми…

- Потом. Некогда сейчас …

По всей видимости, душманы не успели пересчитать тела убитых разведчиков. По крайней мере, появление двух сержантов оказалось для них полной неожиданностью. Фрол, не успев осознать масштаб катастрофы, точным движением перевёл предохранитель на автоматический огонь и заорал, не поворачивая головы:

- Вали их, братан! Их тут до хрена…

Он не слышал ответа: тишину разорвал грохот двух автоматов. Два ближних к разведчикам афганца безвольно рухнули на землю, остальные бросились в рассыпную, стараясь укрыться от шквального огня. Олег, всё ещё надеясь, что парни по-прежнему живы, шагнул вперёд, но Ромка, дёрнув друга за рукав, скомандовал сдавленным голосом:

- Фрол! Мухой за валун! Там моя эрдэшка с магазинами и гранатами… Оттуда к ра…

Камбаров не успел договорить. Разрывная пуля китайского производства пробила висок…

Олег не ощущал ни времени, ни боли от раны в предплечье левой руки. Он понимал, что через пару секунд в магазине закончатся патроны, и проклинал себя за то, что оставил разгрузку у каменной стены, напоминающей акулий зуб на картинке из учебника по биологии. Фрол успел укрыться за невысокой насыпью и, опустившись на колени, с тоской посмотрел на бесполезный автомат. «Вот и всё. – Ему хотелось завыть от бессилия. Ладонь, скользнувшая вниз, упёрлась во что-то твёрдое. – Граната! Я же никогда подсумок не снимаю». Непослушные пальцы разогнули усики предохранительной чеки, оставив на них капельки крови… «Может, обойдётся?» - нелепая мысль задержала на пару секунд. Фрол зажмурился, просунул указательный палец в кольцо… Сильный удар по затылку погасил сознание сержанта …

Глава 5. Доктор Ларионов и сестра Настя

Олег открыл глаза и увидел парящий над ним силуэт в белом халате. Контуры видения были размыты и не имели чётких границ, а движения то ли рук, то ли крыльев - плавными и неестественно замедленными, как в тягучем сне. Он напряг зрение, и перед глазами сазу поплыли круги невероятных расцветок. И всё-таки ему удалось сфокусироваться. Силуэт, зависнув на мгновенье, начал обретать очертания, постепенно материализуясь в человека.

«Доктор. Русский доктор. Значит, я живой и нахожусь у своих», - догадался Фролов. Ему не хотелось тратить время на пустые расспросы. Олег помнил всё: и как захватил машину, и как доехал до бетонки, и даже как сумел выпрыгнуть из потерявшего управление автомобиля. Вплоть до того момента, когда взрывная волна забросила его в русло высохшего ручья. Воспоминания помогли окончательно осознать простую и вместе с тем непреложную истину: он жив, и ему удалось вырваться из проклятого плена. Но сейчас это было неважно. Жив и слава Богу. Если Он, конечно, есть. Гораздо важнее, что его раненный друг Пашка до сих пор находится в горной пещере. Без еды, воды и лекарств. Именно это воспоминание было главным фрагментом контуженной памяти. Фролов пошевелил пальцами руки, привлекая внимание врача и встретившись с ним взглядом, задал самый важный вопрос:

- Скажите, сколько я здесь лежу?

Доктор поправил очки и ответил заботливо-назидательным голосом:

- Успокойся. Тебе ни в коем случае нельзя волноваться. – Задумавшись на пару секунд, спокойно добавил. – А здесь ты всего полторы недели.

Олег непроизвольно сжал кулаки и до боли закусил губу, чтобы сдержать стон.

- Что с тобой? – Заволновался доктор. - Тебе плохо? Только не молчи, родной. Я тебя с того света еле-еле вытащил.

Фролова душили слёзы, но он всё же смог заговорить, с трудом вспоминая нужные слова:

- Там, в горах… Я в пещере братана своего оставил. Пашку. Его в бедро ранило. Идти не мог… Пришлось оставить. Я обещал вернуться… С лекарствами, чтоб пулю вытащить… Полторы недели? Как же так? Пашка ведь не выживет. Мы с ним вместе из плена бежали… Сабыра похоронили… Казаха крепко зацепило… Пашку тоже, но он выжил, а Сабыр кровью истёк… Доктор! Помогите, доктор! Я же обещал вернуться! Ему обещал… Лично вернуться и пулю из ноги вытащить… Я у духов сумку с лекарствами забрал…

Недолгая речь отняла остатки сил: Олег умолк и закрыл глаза.

- Ты здесь, Сан Палыч? Тебя начальство уже как полчаса разыскивает. – Заглянула в палату медсестра. – Ей-богу, рвёт и мечет

- Да погоди ты, Настя! – В сердцах отмахнулся доктор. - Твой крестничек в сознание пришёл. Вместе с памятью. Разволновался не в меру. Сердце может не выдержать. Ты как раз вовремя зашла.

- Пришёл? – Переспросила молодая, статная, чуть полноватая сестра. – Очнулся, значит, жить будет. Выдержит сердце. В бреду так матом крыл, что я сразу сообразила: или сибиряк, или чалдон забайкальский. Там по-другому разговаривать не умеют.

Присев на край кровати, наклонилась к пациенту:

- Ну? И чего это мы нюни распустили, а? Тут тебе не детский сад…

Фролов резко открыл глаза и так взглянул на сестру, что та испуганно отпрянула.

- Послушайте, - еле слышно забормотал Олег. - мне необходимо поговорить с кем-нибудь из офицеров… Надо спасать Пашку… Он там один, в пещере. Я вход камнями завалил, чтобы его пастухи не нашли… Вернуться обещал… А сам уже две недели здесь…

- Полторы. – Машинально поправил Александр Павлович. Он вдруг поймал себя на мысли, что безоговорочно верит словам полуживого парня, но не знал, как объяснить, что оставленный в пещере Пашка не протянет там столько времени.

- Сейчас, миленький, сейчас! – Своевременно пришла на помощь сестра. - Сейчас я тебе укольчик сделаю, чтобы поскорее поправился, а потом ты нам всё расскажешь. Со всеми подробностями. Товарищ капитан Ларионов обязательно тебе поможет. Полежи, пока я шприц приготовлю. Договорились?

Олег не поверил приторному голосу медсестры. Схватив доктора за палец, громко и горячо зашептал:

- Не надо колоть мне снотворное. Пойми ты, док! Мы только время теряем. И если вы не позовёте какого-нибудь начальника, я сам встану и пойду.

- Да успокойся же, наконец! – Не на шутку рассердился Александр Павлович. – Куда ты собрался, если я из тебя полкило металлолома вытащил? Ты уже практически жмуром был! – Спохватившись, неумело соврал. – Настя тебе не снотворное колоть собралась, а специальный витаминный комплекс, от которого ты уже минут через десять будешь как огурчик. Редкий препарат, дефицитный. Его только генералам колют. А насчёт начальства я тебе так скажу: мы уже сообщили о тебе куда следует. Так что в скором времени жди гостей.

Через пять минут после инъекции полковой разведчик Олег Фролов погрузился в спасительный сон, в котором не бывает видений.

***

Настя вошла в кабинет, многозначительно вздохнула и присела на топчан.

- Спит твой доходяга? – Поверх очков взглянул на помощницу Александр Павлович. - Беспокойный пациент нам с тобой достался. Как бы в самом деле не сбежал. С него станется.

- Скоро сутки, как спит. Вы бы, Сан Палыч, не называли парнишку доходягой. Не по себе мне от такого...

- Извини, не буду. – Буркнул доктор. В раздумье пощёлкав кнопкой шариковой ручки, заговорил, не поднимая глаз. - У парня крайнее истощение организма. Даже не представляю, как умудрился из плена сбежать. Это просто невероятно.

- Да ещё после такого ранения жив остался. – К месту добавила Настя.

- Да-да… Ещё после ранения. – С рассеянным видом повторил Ларионов. – Знаешь, Настюха? У меня из головы не выходит этот Пашка, оставленный в пещере. Сам не понимаю, почему меня это так взволновало.

- Просто ты, Сан Палыч, очень добрый человек. И отзывчивый…

- Перестань. – С досадой отмахнулся врач. - Думаешь, не знаю, что коллеги меня между собою Тюфяком зовут? Сам недавно слышал, как начальник на всё отделение вопил: «Немедленно вызвать ко мне этого Тюфяка Павловича!» Обидно, Настя. В морду бы дать, да не умею.

- Забей, Сан Палыч! – Задорно усмехнулась Анастасия. - Не бери в голову. Вас ценят и любят. Тот же начальник. Ведь это он вас уговорил рапорт на продление написать?

Ларионов неловко, зацепив дужкой правое ухо, снял очки:

- Понимаешь, в чём дело? После того как мой рапорт удовлетворили, я почувствовал себя самым настоящим идиотом. Ей-богу. – Он чуть было не перекрестился, но, задержав сложенные пальцы у плеча, закончил с улыбкой. – Только теперь я точно знаю, что принял правильное решение. Никто бы не смог спасти твоего крестничка. Разве что в округе. Но он и до Кабула бы не долетел, не говоря уже о Ташкенте. А у меня получилось. Значит, не зря я прожил свои тридцать три.

— Вот и хорошо. - С облегчением выдохнула сестра. - А то ходишь по модулю с таким видом, будто тебя пустым мешком из-за угла огрели. - Заметив, что глаза Ларионова блеснули негодованием, затараторила, резко изменив тему. - Сан Палыч, дорогой. А что мы с крестником дальше делать будем? Я не про план лечения, а вообще.

- Вообще? – Призадумался доктор. Он уже позабыл простодушную бестактность помощницы. – Вот что, Настюха. Сейчас сходи, проведай. Если проснулся, меня зови. Хочу с ним пообщаться на всякий случай. К нему завтра должен следователь прокуратуры зайти. Раз десять уже звонил. Неймётся прокурорским. Можно сказать, первый посетитель.

- Нет. – Возразила Настя. - Второй. Пока ты оперировал, сюда уже ротный приезжал. Не его, конечно, а из наших… Которые привезли. Я так и не поняла, в чём интерес. За своих переживает или за раненного. Ты как думаешь?

- Кто его знает? – Пожал плечами Ларионов. – Иди уже.

Через десять минут Настя вернулась, однако заходить не стала, а только просунула голову в дверь:

- Сан Палыч, ты здесь? Олежка очнулся. Тебя зовёт.

- Какой Олежка? – Непонимающе уставился Ларионов. Тут же сообразив, проворчал постариковски. - Что за привычка туловище за дверью оставлять? Фигуры своей стесняешься? Так я, как мужчина, прямо скажу: фигура у тебя что надо. И потом, с чего вдруг больной Фролов Олежкой стал? На особом положении, что ли?

По-мужицки неуклюжий комплимент интеллигентного доктора едва не вогнал Настю в краску, поскольку в суете госпитальных будней она как-то подзабыла, что капитан медицинской службы Ларионов не только врач.

- А то нет? – Парировала она, входя в кабинет. – Забыли, как радовались после операции? Вообще-то вы сами хотели с ним пообщаться. Олег, как очнулся, сразу о своём друге вспомнил. Опять побегом грозит. Кстати, ротный снова припёрся. Неймётся ему. Говорит, вопросы к Фролову есть. Я в палату, естественно, не пустила. Велела в коридоре дожидаться.

- И что, сидит?

- Неа. Слава Богу, Владимир Иванович пришёл. Сказал, что до прихода дознавателя никаких посещений. Выгнал, короче.

- Ну что ж? – Пожал плечами Александр Павлович. – Как говорится, одной проблемой меньше. Пошли, Настюха.

Ларионов вышел вслед за помощницей и тут же заметил поднявшегося навстречу молодого офицера в добела выгоревшей форме.

- Ну что ты будешь делать! – Всплеснула руками сестра. – Совсем совесть потерял.

- Разберёмся. – Буркнул доктор и, придав лицу внимательно-холодное выражение, подошёл к назойливому посетителю:

- Слушаю вас, товарищ старший лейтенант. Мне сообщили, что вы чересчур настойчиво добиваетесь встречи с пациентом Фроловым. Он вам кто? Родственник или подчинённый? Потрудитесь объясниться…

- Достали уже! – Выглянула из-за докторского плеча Анастасия. - Сколько можно? Его в дверь, так он в окно.

- Да нет… Ну что вы, в самом деле? – Смущённо забормотал старший лейтенант, протягивая медсестре туго набитый пластиковый пакет. – Олег нам … То есть мне, не родственник и не подчинённый. Просто мы переживаем за него. Возьмите, сестрёнка. Пацаны сбросились… Не поймите неправильно … От чистого сердца … Вернее, сердец. Пускай не держит обиды. Они ведь в самом деле Олега за смертника приняли. Кто ж знал, что так получится? Товарищ капитан … Александр Павлович! Передайте Олегу, что мы его всей ротой в гости ждём. Ладно?

— Воистину, не ищи зла там, где его нет. – Вздохнул Ларионов, глядя вслед старшему лейтенанту. – Они от чистого сердца, а я, понимаешь, «начальника» включил. Пойдём Настюха. Заждался твой Олежек.

***

Олег бездумно смотрел в потолок, то погружаясь в сон, то вновь возвращаясь в действительность. Время утратило значение и ему казалось, что жизнь снова обретёт смысл лишь тогда, когда в палату войдёт доктор Ларионов, который наверняка знает ответы на все вопросы. Порой он забывал о чём хотел спросить, и тогда беспросветная тоска заполняла ноющей болью утомлённый мозг.

Наконец дверь, скрипнув, отворилась, и на пороге возник военврач в сопровождении медсестры с невероятно добрыми глазами. Фролов почувствовал прилив сил и желание жить. Он даже попытался приподняться на подушках, но Александр Павлович остановил его коротким взмахом руки.

- Не торопись, Олег. Всему своё время. – Присев на край кровати, доктор взял запястье и посмотрел на часы. – Сейчас проверим пульс. – Наморщив лоб, беззвучно, по-детски смешно зашевелил губами. – Ну вот и всё. Почти в норме. Я думал, что будет похуже.

— Это ещё почему? - Возмутилась Настя. Ей очень хотелось реабилитироваться за очевидный промах в оценке намерений старшего лейтенанта. - Мы, между прочим, постоянно следим за показателями и лекарства даём точно по расписанию.

Поставив на тумбочку пакет с припасами, с улыбкой посмотрела на Фролова:

– Ребята передали. Ротный только что приходил. В сто первый раз, между прочим. Просил сказать, чтоб зла не держал, и ещё, что в гости ждут. Переживают за тебя.

- Спасибо. – Ответно улыбнулся Олег и тут же, вспомнив о главном вопросе, обратился к врачу:

– Скажите, Александр Палыч, у Пашки есть шансы? Только честно.

Настя предупреждающе приложила палец к губам, однако Ларионов сделал вид, что не заметил сигнала.

- Буду предельно откровенен. – Начал доктор не отводя взгляда. - Если полторы недели назад твоего товарища никто не нашёл, то шансов выжить у него не было. Мне очень жаль, Олег.

Дождавшись, когда пациент снова откроет глаза, задал вопрос, чтобы поскорей закончить разговор:

– Ты, наверное, устал и хочешь спать? Понимаю …

- Нет! - Схватив врача за руку, торопливо зашептал Фролов. – Не уходите. Александр Палыч… Прошу… Послушайте… Мне кажется… Я завтра забуду и про Пашку, и про пацанов, которые там погибли, и про Толика, с которого духи кожу содрали… С живого. Понимаете? У меня голова не выдержит, если я прямо сейчас вам не расскажу… Ну, пожалуйста, чего вам стоит?

Ларионов, до глубины души потрясённый эмоциональной вспышкой, метнул быстрый взгляд на Анастасию, словно заручаясь её поддержкой и осторожно высвободил руку.

- Ну хорошо, Олег. – Негромко и очень серьёзно произнёс он. - Пусть будет по-твоему. Но только с одним условием: если я пойму, что рассказ сказывается на здоровье, то Настя сделает тебе укол. Договорились?

- Договорились.

Повествование растянулось почти на два часа. Фролов не щадил себя. Не пытаясь подыскивать оправдания, рассказал о том, как, увлёкшись разговорами «за жизнь» с Романом Камбаровым, потерял контроль над обстановкой, что позволило душманам скрытно пробраться на позиции и бесшумно вырезать уставших разведчиков. И как попал в плен, всего на пару секунд замешкавшись с чекой последней гранаты. Без каких-либо эмоций поведал о своих мытарствах в плену и невыносимых условиях зиндана. Лишь однажды позволил себе улыбку, когда рассказывал об обстоятельствах знакомства с Пашкой Коробовым. Ни доктор, ни медсестра так и не осмелились прервать его вопросом или замечанием.

Наконец, Олег закончил и устало прикрыл глаза. В палате повисла тишина.

- Да, брат. – С сочувствием протянул Александр Павлович. - Пришлось тебе хлебнуть … Врагу не пожелаешь. Гляди, даже Настюха слезу пустила. А она девушка со стальным характером.

- Я женщина. – Шмыгнула носом сестра. - Мне простительно. Да вы сами, Сан Палыч, не раз глаза украдкой вытирали.

- В общем, так. – Поднялся с места доктор. – Отдыхай, сил набирайся. У тебя завтра непростой день. Завтра придёт следователь прокуратуры. Мой тебе совет, Олег. Рассказывай всё без утайки, только про то, как вы с Романом беседой увлеклись, следователю знать не обязательно. А если честно, то вообще нельзя. Ни в коем случае. Лично я с ним не знаком. Что за человек, не знаю. Неизвестно, как он решит дело повернуть. Договорились?

Фролов кивнул и отвернулся к стене. Ему было всё равно.

Глава 6. Несколько месяцев тому назад-2

Удар по голове не выбил из Фролова память: он помнил всё и поэтому чуть приоткрыл глаза, чтобы осмотреться, но тут же получил увесистый пинок в правое бедро. Стоявший рядом душман кивнул и знаками показал, что ему следует подняться на ноги.

Олег болезненно скривился, давая понять, что не в состоянии выполнить распоряжение. Афганец равнодушно пожал плечами и, поправив ремень автомата, недвусмысленно провёл ладонью по шее. Фрол сплюнул и попробовал встать, опираясь на руки. Раненное предплечье тут же отозвалось нестерпимой болью. Матерясь сквозь зубы, он заставил себя сесть на корточки.

«Кажется, всё. Кранты... вот как оно бывает. - Думал Олег, зажав пальцами кровоточащую рану. - Да что ж такое… Не врубаюсь, почему всё это выглядит несерьёзно, не страшно и как бы не со мной. Крепко в башку влетело, поэтому торможу. Не беда. Ромка ведь не почувствовал боли, когда пулю словил? Скорее всего, нет. Наверное, и я не почувствую. Не первый и не послед…»

Мысль так и застряла незавершённой где-то в извилинах мозга. Подчиняясь негромкой команде полевого командира, два крепких боевика в чёрной униформе подхватили скрюченное тело пленника и, несколько раз встряхнув навесу, осторожно поставили на ноги.

«Охренеть! – Впервые почувствовал подобие страха Олег. – Щас ихний главный подойдёт, приставит пистолет ко лбу и привет … Пишите письма. Плюнуть ему в харю, что ли? Как в кино про партизан? Слюны нет. Во рту пересохло…»

От этой шальной и глупой мысли, страх снова исчез. Как будто и не было вовсе. Фролов наклонил голову. Ему вдруг стало больно дышать. «Скорее бы! Сколько можно? Я ведь задохнусь раньше, чем меня пристрелят. – Борясь со спазмом, постарался набрать в лёгкие как можно больше воздуха и тут же почувствовал, как напряглись мускулы придерживающих его мужчин. – Блин! Я же ноги подогнул. Ничего, ребята, потерпите. Недолго осталось».

Откуда-то донеслась гортанная команда: оба боевика, стараясь шагать в ногу, подошли к небольшому валуну и опустили пленника на землю. Тут же объявился уже знакомый Фролу афганец. Протянув резиновый жгут, пальцем ткнул в левое предплечье, мол, перетянуть надо.

«Это ещё зачем? – Удивился Фрол, но жгут всё-таки взял. - Кровотечение несильное. Если бить не будут, то само остановится. Медик, блин! Ни тебе ваты, ни бинта, ни промедола. Рана один хрен загноится без обработки. Ладно. Не время харчами перебирать. Походу они не собираются меня кончать. По крайней мере, здесь. Ну, а дальше посмотрим. Ещё бабушка надвое сказала, кто кого приговаривать будет».

Олег продолжал убеждать себя, что именно он будет распоряжаться судьбами, однако, закончив со жгутом, почувствовал леденящий душу озноб и нарастающую тревогу. Только сейчас он окончательно осознал, что попал не просто в переделку, а в ситуацию, в которой ничего не может решить самостоятельно.

Понимание беспомощности и обречённости едва не сломило волю. И всё-таки Фролов сумел взять себя в руки: «Если резко подняться, оттолкнуться от духа, то я смогу спрыгнуть в обрыв. Сразу всё закончится. Вряд ли духи по темноте кинутся вдогонку. На хрена я им сдался? Не офицер и даже не прапорщик. Спрыгну, а дальше как карта ляжет. Даже с переломанными ногами можно до тропы доползти. А там, глядишь, взводный со своими на меня наткнётся».

Решение, выстраданное в короткой борьбе с усталостью и безволием, казалось простым и вполне реальным. Подтянув колени как можно ближе к подбородку, Фрол поднял глаза и тут же наткнулся на ехидную ухмылку знакомого душмана. Поединок взглядов длился несколько секунд, наконец, боевик покачал головой, словно предупреждая о последствиях опрометчивого поступка, а затем неожиданно ударил Олега ногой в правое подреберье. Тот охнул и, ухватившись руками за живот, завалился на бок.

Ему не дали времени отдышаться: через пару секунд подхватили за подмышки, встряхнули и поставили на ноги. От боли забыв, где находится, Олег хотел было пожаловаться на радужные круги перед глазами, но несильный толчок в спину заставил сделать сначала первый, а затем и второй шаг. А дальше он просто сбился со счёта.

Спуск занял всего пятнадцать минут, но этого вполне хватило, чтобы Фроловым овладело абсолютное безразличие к собственной судьбе. У подножия он окончательно выбился из сил, а вид скалы, на которую только ещё предстояло подняться, вовсе лишил желания бороться за жизнь. Он присел на придорожный камень и опустил голову на колени в ожидании удара ножом или выстрела. Прошла целая минута, показавшаяся вечностью. Услышав шаги, Олег поднял голову и, скривившись в ухмылке, еле слышно прохрипел:

- Втроём кончать будете? Не многовато? Ладно, валяйте… чего уж там?

Видимо, он зачем-то был нужен живым: двое душманов молча приподняли сержанта, а третий просунул под него носилочную лямку.

***

- Вы неправильно истолковали мои слова, Хайрулла. – С осуждением взглянул на помощника начальник. - Я не приказывал брать в плен русских. Мне нужна была только рация. Я хотел преподнести аппарат в качестве подарка многоуважаемому господину Махди. У него уже есть один экземпляр, который без дела пылится на складе. Теперь его воины смогут использовать станции по назначению. Ваша оплошность заставила Мардана выполнить ненужную работу. Вы сказали, что он потерял в бою четырёх человек? Это так?

Заместитель не решился напомнить Камбизу мимоходом брошенные слова. Приняв смиренный вид, ответил соответствующим тоном:

- Всё так, мой господин. Мардан признал вину и просит не торопиться с наказанием. Он готов в бою доказать свою преданность.

- Пусть будет так. – Согласился начальник. - Путь воина лежит через потери и гибель соратников. Так было испокон веков. Главное, чтобы Мардан не повторял в будущем ошибок. Лёгкий успех в начале боя совсем не означает, что враг уже побеждён. Нельзя заранее праздновать победу, не зная наверняка, что противник бежал с поля боя.

- Что прикажете делать с кяфиром? Он ранен. Люди Мардана, думая, что выполняют ваш приказ, на руках несли его в лагерь. Они устали, но с великим удовольствием предадут шурави справедливой казни. Именно он виновен в гибели троих собратьев. Вам, господин, остаётся только сделать выбор…

- Не время устраивать показательную казнь. – Недовольно перебил Камбиз Сабири. - Обстановка вокруг крепости остаётся напряжённой. Через два часа я должен быть на совещании у господина Махди. Вот что, Хайрулла. – Внезапная идея озарила лицо мимолётно-циничной улыбкой. – Пусть пленный станет дополнительным подарком начальнику. В бункерах крепости уже содержатся несколько неверных, за которых господин Махди рассчитывает получить достойный выкуп. Я уверен, что такой «довесок» к рации придётся как нельзя кстати. Вы говорили, что русский ранен. Насколько опасна рана? Не загноится по дороге?

- Не беспокойтесь, мой господин. – Не смог сдержать плотоядной улыбки Хайрулла. - Я знаю, что такое гангрена, поэтому распорядился, чтобы рану обработали кипятком, а потом присыпали солью.

- Зачем? - Брезгливо передёрнул плечами Камбиз Сабири. - Вам доставляют удовольствие мучения пенников?

- Нет, господин! Я просто решил приберечь медикаменты для наших воинов, а заодно проверить, насколько выносливо сердце кяфира.

***

Сердце Олега выдержало испытание кипятком и солью. Привязанный к дереву, он не просил пощады у своих мучителей. То ли забыл подходящие слова, а может, никогда не знал их и поэтому крыл душманов отборным матом в надежде, что кто-нибудь из них поймёт смысл ругательств и нажмёт на спуск.

Самое ужасное, что сознание даже на секунду не покидало его. В конце концов, Фролов перестал чувствовать боль и повис на ветвях, как на распятье.

Тяжёлый сон, в котором короткие фрагменты из детства смешивались с кошмарными видениями последнего боя, не восстановил силы. С трудом заставив себя открыть глаза, Фрол увидел четырёх афганцев в чёрной униформе, сидящих на корточках у расстеленного брезента. Негромко переговариваясь, они раскладывали на полотнище добытые трофеи. Автоматы отдельно, снаряжение, магазины и боеприпасы - отдельно. И так, все восемь комплектов. Он без труда узнал свой автомат и, стиснув зубы, наблюдал, как духи неторопливо, со знанием дела чистят оружие.

Наверное, Фролов снова впал в забытье, так как, открыв глаза, увидел на брезенте своих погибших товарищей. Парни сидели спокойно, положив испачканные кровью и землёй ладони на колени. Никто из них не шевелил губами, однако сержант ясно слышал слова, обращённые к

нему: «Ты держись, братан! На тебе нет вины. Мы сами проспали свои жизни. Да ещё и твоего другана Ромку с собой прихватили. Видишь дыру у него в виске, командир? Это от китайской разрывной».

Почувствовав удушье, Олег схватился за горло и … Проснулся.

Сфокусировав зрение, он увидел того самого душмана, с которым уже приходилось общаться мимикой и жестами. Тот держал в руке тоненькую книжку в красной обложке.

«Блин! Это же мой военник. - Скрипнув зубами, подумал разведчик. - Все пацаны сдали перед выходом документы старшине, а я забыл. Старшина тоже хорош. Мог бы и пересчитать… Твою ж мать!»

Афганец, бегло пролистав документ, бросил короткий взгляд на пленника, в раздумье постучал книжкой по костяшке согнутого пальца, а затем развернулся и уверенным шагом направился к блиндажу, расположенному у самого края площадки.

Через два часа метавшегося в горячечном бреду сержанта доставили на центральную базу укреплённого района.

***

Начальник укрепрайона Мансур Махди, выслушав доклады командиров об обстановке на подступах к позициям, подвёл итог затянувшемуся совещанию:

- Нет Бога, кроме Аллаха, Мухаммад – его Пророк! Всевышний услышал нас. Полковник Ахмед, ещё вчера хвастливо заявлявший, что овладеет нашей крепостью силами своей дивизии, сегодня мечется в попытках остановить массовое дезертирство. Из трёх пехотных батальонов, два отказались входить в ущелье. Теперь вояка тянет время, разбив лагерь у подножия наших гор. Мои друзья из штаба дивизии передали, что полковник попросил у Кабула подкрепление, якобы для того, чтобы развить некий успех. Ахмед не хочет признаться даже самому себе, что операция провалились, не успев начаться. Советские войска готовы прийти к нему на помощь, но тот тянет время, понимая, что если шурави встанут на блок, то ему придётся вводить остатки своей дивизии в дело, тем самым обрекая их на бесславную смерть…

Мансур вещал в том же духе ещё несколько минут и закончил речь под одобрительный гул присутствующих. Окрылённый успехом, он хотел было продолжить, но, поразмыслив, решил, что не стоит уподобляться болтунам и сплетникам:

- Как бы там ни было, нельзя расслабляться и терять бдительность. Пусть ваши люди усилят работу среди сарбазов. Заблудшие должны понимать, что, встав с оружием в руках на сторону нынешней власти, они предали истинную веру. Веру своих предков. Все свободны. – Высмотрев в толпе командира передового рубежа, благосклонно улыбнулся. – Уважаемый господин Сабири! Вы не могли бы уделить мне несколько минут? Я хочу поблагодарить вас за бесценные трофеи, добытые в ночном бою.

***

Оглядев начальника лазарета с ног до головы, Мансур скривился в недоверчивой гримасе:

- Вы утверждаете, что новому узнику необходимо ампутировать руку? Я вам не верю. Скажите, кому будет нужен однорукий раб? Мы не сможем выручить за него даже несколько афгани. Пусть рану шурави осмотрит русский доктор, который по воле Всевышнего гостит у нас уже целый год. Мне говорили, что вы хороший ветеринар, Алим. Но для вас не существует различий между кишечником ишака и сердцем человека. Для того чтобы стать настоящим доктором, вам необходимо прилежней учиться у русского коллеги. Не зря Посланник, мир ему и благословение Аллаха, говорит о халатности врача: «Тот, кто лечит, не зная, как это делать, будет замином». Кстати. Почему этот доктор, имени которого я никогда не смогу произнести, не осмотрел своего соотечественника? Вы умышленно отказали ему, чтобы лишить нас законной прибыли?

Бедняга не осмелился поднять глаза на командира укрепрайона. Согнувшись в поклоне, сдавленным от страха голосом попытался объясниться:

- Господин! Поверьте, у меня даже в мыслях не было причинить вам ущерб. Русский доктор, которого вы однажды изволили назвать Иваном, принимал роды у младшей жены вашего помощника. Случай был очень тяжёлый и женщины не смогли…

- Не надо подробностей, Алим! – Брезгливо отмахнулся Махди. - Надеюсь, мой помощник испросил разрешения муллы? Впрочем, это неважно. Ступайте. В вашем распоряжении целая неделя, чтобы товар приобрёл надлежащий вид. Через десять дней к нам прибудут купцы. Я намерен продать всех узников, чтобы освободить зинданы для новой партии. Запомните, Алим: если пленный шурави по вашей милости лишится левой руки, то я прикажу ампутировать вашу правую руку. В каждом деле необходимо соблюдать равновесие.

***

Олег открыл и тут же закрыл глаза. Яркий свет операционных светильников не позволил как следует осмотреться. Вздохнув в себя свежий, прохладный, пахнущий спиртом и эфиром воздух, почувствовал, как сердце наполняется спасительной надеждой: «Бой реально был… к бабке не ходи. Я ранен и сильно контужен… Башку заклинило, вот и привиделся весь этот бред с духами и пленом… Если я попал в плен, то должен был проснуться в какой-нибудь яме, а не на операционном столе. Интересно, что всё-таки с пацанами случилось? Они же приходили ко мне? Все вместе. Про Ромку всякую хрень несли. Наверное, я уже тогда в отключке был… Надо подать знак доктору, что я живой… Он заговорит и всё сразу станет на свои места…»

Словно подтверждая догадку, откуда-то сверху раздался чуть хриплый, но моментально ставший родным голос невидимого хирурга:

- Очнулся, сынок? Лежи спокойно. Тебе сейчас нельзя разговаривать.

Глава 7. Лейтенант Габуния

Прокурор гарнизона очень не хотел направлять в медроту лейтенанта Габуния, но срок подходил к концу, а для закрытия очевидного дела необходимо было взять показания у бежавшего из плена сержанта. Казалось бы, что может быть проще: сходить в соседний модуль, задать несколько вопросов и подшить объяснение к уже имеющимся материалам?

Но нет. Для следователя Габуния не существовало полутонов: всё виделось ему либо в белом, либо в чёрном. И преимущественно — в чёрном. Давид Арчилович видел в каждом сидящем перед ним человеке закоренелого преступника и изо всех сил пытался доказать вину, не замечая очевидных нестыковок.

В очередной раз перебрав в уме фамилии помощников, подполковник тихо выругался и, положившись на авось, вызвал лейтенанта к себе.

— В общем, так, товарищ лейтенант, — начал прокурор, стараясь не смотреть на мясистые щёки молодого офицера. — Тебе не надо ничего выдумывать: задача исключительно технического характера. Возьми письменные объяснения с медперсонала и с самого беглеца. Только и всего. Действуй в установленном порядке. Пускай с бедолагой его командиры разбираются. Решат возбудить дело по факту дезертирства — пусть возбуждают. Решат представить к госнаграде — пусть представляют. Мне это неинтересно. На нашей, так сказать, земле он преступлений не совершал. Вот такие дела. Тебе всё понятно?

— Не беспокойтесь, Юрий Анатольевич, — кивнул лейтенант, будто уловил тот самый скрытый смысл, который начальник не стал проговаривать вслух. — Ни один дезертир не уйдёт от ответственности.

Ошеломлённый неожиданным поворотом подполковник вскинул брови, с трудом сдержав готовую сорваться с языка нецензурщину…

Через двадцать минут следователь без стука вошел в ординаторскую и, остановившись у стола, сверху вниз взглянул на озадаченного Александра Павловича:

— Доктор Ларионов? – Не став дожидаться ответа, усилил напор. – Что ж вы, уважаемый, дезертиров от советского правосудия скрываете? Нехорошо! Так недолго и самому под статью загреметь.

- Не понял? – Не на шутку встревожился врач. – Вы вообще кто? На каком, собственно, основании врываетесь в кабинет? Не представились… Разговариваете в недопустимо повышенном тоне.

Следователь усмехнулся и, слегка задыхаясь от избыточного веса, тяжело опустился на стул:

- Представляюсь: следователь гарнизонной прокуратуры, лейтенант юстиции Давид Арчилович Габуния. Теперь понятно? Я жду ответа на вопрос.

- Понятно. Доктор Ларионов, это действительно я. Между прочим, капитан. Может, вы, товарищ лейтенант Габуния, для начала объясните цель своего чрезмерно шумного визита?

- Не стоит козырять званием, товарищ капитан. – Сухо обронил следователь.

Достав из полевой сумки блокнот, без тени смущения отодвинул в сторону письменный прибор с часами и стопку бумаг, освобождая место и продолжил в том же духе:

– Давайте сразу определимся, товарищ Ларионов. Я буду задавать вопросы, а вы будете на них отвечать. Чётко, правдиво и… - задумавшись на мгновение, но, не подобрав подходящего слова, неуверенно закончил. - Короче, ничего не скрывая.

Доктор с трудом подавил раздражение. Будучи миролюбивым по характеру, Александр Павлович терпеть не мог скандалы, однако поведение самоуверенного лейтенанта вывело его из равновесия. Десять секунд назад капитан был готов сорваться и выставить наглеца, но, поразмыслив, заставил себя заговорить более-менее сдержанным тоном:

- Хорошо. Я буду отвечать на ваши вопросы чётко, правдиво и ничего не скрывая. Но только после того, как вы сообщите цель прибытия. Иначе наша беседа не состоится.

Давид Арчилович неожиданно почувствовал острый приступ голода. Он собирался осадить строптивого врача, но передумал в надежде управиться до обеда.

— Суть дела, — канцелярским тоном начал он. — Примерно полторы недели назад к вам был доставлен неизвестный, которого мы подозреваем в дезертирстве и в совершении других тяжких преступлений. Мне поручено установить обстоятельства дела и подготовить материалы для трибунала. Кроме вашего, товарищ капитан медслужбы, потребуются объяснения других служащих из числа персонала.

Александр Павлович вздохнул с облегчением: ему подумалось, что при необходимости он легко переиграет хамоватого, недалёкого следователя. Кое-как соорудив понимающее выражение, бросил коротко: «Одну минуту», вышел в коридор и негромко произнёс:

— Дневальный! Будьте так добры, пригласите, пожалуйста, медсестру Малышеву. Это срочно. Спасибо.

Вернувшись в кабинет, пояснил сбитому с толку лейтенанту:

— Анастасия Егоровна лично принимала раненого и приложила немало сил, чтобы парень выжил. Думаю, её показания будут вам весьма полезны. Кстати, товарищ лейтенант, а почему вы так уверены, что Олег — дезертир? И как вы можете подозревать его в «других тяжких преступлениях», если он, как вы изволили выразиться, «неизвестный»? Насколько я знаю, Фролов из другого гарнизона, и с ним ещё не беседовали ни ваши коллеги, ни особисты.

Габуния ответил громче, чем требовала обстановка, поскольку пытался заглушить нарастающее журчание в животе:

— Есть такое понятие, как тайна следствия. Кроме того, у нас достаточно других источников информации. Когда подойдёт ваша… мм… Егоровна?

В этот момент дверь распахнулась, и в кабинет влетела разгневанная медсестра. Увидев постороннего, она тут же собралась и, приняв стойку, отдалённо напоминавшую строевую, бойко отрапортовала:

— Товарищ капитан! Старшина Малышева по вашему приказанию явилась!

- По уставу будет «прибыла», а не «явилась». – Вмешался Дато, взволнованный пышной красотой девушки. - Вы ведь не святой дух, а вполне себе красивая медсестра.

Настя с первого взгляда сообразила, что лейтенант появился с далеко не добрыми намерениями. Бросив косой взгляд, ответила с каменным выражением лица:

- Не могу отвечать младшему по званию, без разрешения старшего по званию.

— Присаживайтесь, Анастасия Егоровна, — разрядил обстановку доктор. — Позвольте представить лейтенанта Габуния Давида Арчиловича, следователя гарнизонной прокуратуры. Товарищ лейтенант занимается расследованием по поводу ранения Фролова. Мы должны дать письменные показания в этой, так сказать, связи.

Александр Павлович намеренно исказил цель визита, понимая, во что выльется для лейтенанта эта история, если Настя узнает, что тот намерен предъявить Олегу обвинение в дезертирстве. Кроме того, он нисколько не сомневался, что помощница не постесняется высказать пару нелицеприятных фраз и в его адрес.

— У меня крайне мало времени, — напустив утомлённо-деловой вид, произнёс следователь. — Поэтому постарайтесь уложиться в десять минут. Мне ещё подозреваемого допросить надо.

— Подозреваемого? — изумилась Настя. — Это как понимать?

— Потом, Анастасия Егоровна. Всё потом, — счёл нужным вмешаться Ларионов. — Давайте не будем тратить время. Обход через полчаса.

***

Бегло пробежав глазами объяснения, Габуния уложил листки в картонную папку и, взглянув на Настю, то ли попросил, то ли скомандовал:

— Всё. Ведите меня к своему «пациенту».

Доктор, перехватив вопрошающий взгляд сестры, неожиданно для самого себя произнёс твёрдым, не терпящим возражений тоном:

— Во время вашей беседы в палате будет присутствовать Анастасия Егоровна.

Наверное, если бы врач обратился с вежливой просьбой, сопровождая её смиренно-робким выражением лица, Габуния не стал бы возражать. Лейтенант был бы даже рад представившейся возможности блеснуть перед красавицей своими талантами. Однако, услышав в голосе приказные нотки, он тут же напрягся и надменно бросил через плечо:

— Не положено.

Александр Павлович уже справился с врождённой застенчивостью: в нём заговорило упрямство профессионала.

— Вот что, уважаемый, — всё тем же тоном заявил он. — Распоряжаться будете у себя в прокуратуре. А здесь распоряжаюсь я. Пациент перенёс тяжелейшую многочасовую операцию и сейчас находится в таком состоянии, что малейший стресс может его убить. Вы не успеете даже позвать на помощь. Вам это надо, Давид Арчилович?

Лейтенант основательно струхнул. Перспектива объясняться перед начальством настолько впечатлила, что он даже не обратил внимания на перевранные до неприличия собственные имя и отчество.

— Ну… Если вы так ставите вопрос… Хорошо. Но только в виде исключения и под вашу личную ответственность.

— Давид Арчилович, — озорно улыбнулась Настя, ладошками приподнимая грудь. — А можно под мою ответственность?

Полные губы молодого следователя растянулись во влажной улыбке:

— Ещё как можно. Даже нужно!

***

Этим утром Олег уже не чувствовал той апатии, которая вчера казалась ему бесконечной. Вспомнив о том, что сегодня должен прийти следователь прокуратуры, он по-новому оценил слова врача об осторожности: «А ведь док прав на все сто. Базар реально надо фильтровать. Мало ли как прокурор решит повернуть дело? Тут, брат, дисбатом не отделаешься».

Внезапная мысль раскалённой иглой пронзила сознание: «Стоп! Вот это я затупил! Которые сутки в медроте кантуюсь, а до сих пор не узнал, который сегодня день и месяц. Мне ведь до приказа всего ничего оставалось. Походу, я уже вроде как на гражданке должен быть».

Разволновавшись, Олег приподнялся на локтях, но дверь в палату отворилась, и на пороге появилась Анастасия, за которой шествовал высокий тучный офицер в новенькой форме — в отвороте виднелась тельняшка. Лицо лейтенанта было суровым, а взгляд — надменно-сосредоточенным.

«Нет, — с горечью подумал Фрол, опускаясь на подушки, — этот хмырь даже задумываться не будет. Пришьёт статью и — шагом марш на зону».

***

Габуния не умел молча выслушивать собеседника. Ну, не дано — и все дела. Вроде бы профессия обязывает, но ему всегда казалось, что, если он вовремя не вмешается, допрашиваемый обязательно уйдёт в сторону от главной темы в надежде запутать следствие. Однако рассказ Фролова с первой минуты захватил лейтенанта. Он слушал невероятную историю, затаив дыхание, и не верил, что этот донельзя истощённый парень смог выдержать столько испытаний и не сломаться.

«Нет. Так просто не может быть, — размышлял Давид, украдкой наблюдая за вытирающей слёзы сестрой. — Чтобы этот доходяга столько пережил и не предал? Врёт, сволочь. Духи точно бы расстреляли. Скорее всего, струсил и сдался. А разведчики погибли из-за его предательства. Судя по всему, его подельник — Павел Коробов — очень начитанный и грамотный человек. Это он придумал историю пленения и побега, понимая, что доказать обратное будет невероятно трудно. Только они не учли, что дело будет поручено мне. И в этом их главная ошибка. Вероятно, его дружок уже помер в горах. Две недели как-никак прошло. Если этот Коробов вообще существовал… Хотя нет. Похоже на правду. Не мог этот дебил сам историю сочинить. Ладно, не суть. Фролов однозначно ислам принял и в боевых действиях поучаствовал. Духи расслабились, поскольку предатель в крови наших ребят замарался. А он воспользовался и под шумок угнал машину, в которой было оружие. Нет, дружок! Недолго тебе на свободе отлёживаться. С доказухой, безусловно, повозиться придётся, но ничего страшного. Найдём способы разговорить».

Тем временем Фролов закончил рассказ и отвернулся к стене.

— Послушайте, Дато, — Анастасия осторожно прикоснулась к локтю задумавшегося лейтенанта. — Олежке необходим отдых. Он сильно устал. — Она говорила, нисколько не сомневаясь, что следователь проникся искренним сочувствием к пациенту. — Давайте я сделаю ему укол. Пусть поспит.

Реакция Габунии заставила вздрогнуть медсестру.

— «Олежке»? — от возмущения сорвался на визг следователь. — Хватит, Анастасия Егоровна, любезничать с предателем! Или вы в самом деле не понимаете, что перед вами преступник, виновный в гибели своих боевых товарищей?

— Давид… вы о чём? — с трудом смогла выговорить Настя.

Но тот уже не слышал медсестру: вплотную придвинувшись к кровати, он разразился гневной тирадой:

— Фролов! Неужели ты думаешь, что я поверил хотя бы одному твоему слову? Нет, дорогой. Поищи дураков в другом месте. Даже навскидку на тебе уже висят минимум три статьи. Перечислить?

— Давайте, — абсолютно спокойно, не поворачивая головы, ответил Олег.

Габунии ужасно хотелось врезать пациенту, однако, поборов соблазн, он начал демонстративно загибать пальцы:

— Сдача в плен, повлёкшая гибель подчинённых, — раз. Измена Родине, выразившаяся в добровольном переходе на сторону мятежников, — два. И, наконец, ты, Фролов, бросил своего раненого, истекающего кровью товарища в пещере и специально завалил вход, чтобы скрыть следы преступления.

Окончательно потерявшая дар речи Анастасия с ужасом смотрела на лейтенанта, но реакция Олега поразила её куда больше, чем обличительный монолог.

— Не тебе меня судить, лейтенант, — безучастно выдохнул Фролов.

— Хамит парниша, — покосился на медсестру Габуния. — Ладно. Пусть будет на его совести. Если, конечно, она у него осталась.

Помолчав пару-тройку секунд, он вдруг заговорил неожиданно участливым тоном:

— Послушай, Олег. Давай не будем тратить наше с тобой время? Обещаю. Вернее, даю слово советского офицера, что приложу все силы, чтобы тебе был назначен самый минимальный срок. Ну что? Договорились?

Анастасия вдруг заметила искорку в глазах Фролова. «Неужели жирный прокурорчик прав? — девушка чувствовала, как холодеют кончики пальцев. — Нет. Быть такого не может. Олег не врал. Он даже бредил зинданом, таджиком и пехотой. Здесь что-то не так».

Однако следующие фразы осколками ударили в сердце.

— Что я должен подписать, товарищ лейтенант? — равнодушно произнёс Фролов, по-прежнему не поворачивая головы. — Я готов. Давайте.

— Не «подписать», а собственноручно написать чистосердечное признание, — поправил Габуния, дрожащими руками доставая из планшета чистые листки. — Только так ты можешь рассчитывать на снисхождение. И ещё. В заключение обязательно напиши: так, мол, и так. «Искренне раскаиваюсь в содеянном. Прошу учесть обстоятельства, которые заставили вступить меня… то есть не меня, а тебя… на путь измены». Ты меня понял? Вот и хорошо. Держи листок, ручку… Планшетик подложи, чтоб потвёрже было. Не торопись, дорогой. Время терпит.

Из всех знаков препинания, Фрол помнил только точку. Он вообще был не в ладах с грамотой, но это совсем не мешало выводить на желтоватом стандартном листке корявые и прыгающие строчки:

«Я младший сержант Фролов О.И. признаюсь в том что мне хочется послать жирного лейтенанта на … и набить ему морду. Он сволочь. Я не предавал пацанов и не сдавался в плен. Я не успел выдернуть чеку из эфки и потому не подорвался. Я не знаю сколько времени провёл в плену. Я не бросал своего братана Пехоту по фамилии Коробов. Просто не смог его нести. Я не смог к нему вернуться чтобы вытащить из ноги пулю а потом вместе добраться до наших. Я не врал про казаха Сабыра хотя и называл его чуркой. Пацан реально покрошил духов из ихнего китайского калаша. Старлей Валера который сидел с нами в натуре кинулся с кулаками спасать пацана с которого духи потом кожу с живого содрали. В него цельную очередь захреначили. А этот жирный летёха настоящий козёл. Потому что не верит мне. Я бежал из плена с оружием которое взял в бою чтобы вернуться за Пашкой. И если вы не верите мне то пошли вы все. Можете расстрелять меня только сначала надо найти Пехоту. Я смогу показать пещеру».

— Закончил? — спросил лейтенант, старательно изображая сочувствие. — Расписаться не забыл? Без подписи документ не признают действительным.

Фролов не стал отвечать. Сквозь приспущенные веки он видел, как давится слезами Настя, но не испытывал к ней жалости. Работа над «чистосердечным признанием» отняла слишком много сил.

— Молодец, — разорвал тишину возбуждённый голос следователя. — Подпись, правда, корявая, но вполне разборчивая.

Габунии не терпелось прочитать документ вслух — как бы в назидание чересчур доверчивой медсестре. Едва начав, он вдруг споткнулся, по инерции пробормотал пару слов, затем поднял наполненные яростью глаза на безучастного Олега:

— Ты?! Ты это что?! Ты это про кого?! Ах ты сволочь!

Ошарашенная Настя смотрела, как следователь всей тяжестью навалился на раненого и занёс над ним кулак.

— Перестань! — душераздирающий крик разрезал воздух.

Сорвавшись с места, она ухватила лейтенанта обеими руками за запястье, но тот, совершенно потеряв контроль над собой, резко отмахнулся — и медсестра отлетела к подоконнику.

— Убью, паскуда! — кулак снова взлетел над головой.

Плохо соображая, Настя схватила подвернувшийся под руку горшок с кактусом и, зажмурив глаза, что было сил врезала им по напряжённой спине следователя. Габуния смешно хрюкнул и развернулся к ней лицом:

— Ты чего, сука?

Настю уже невозможно было остановить. Она не помнила, как ей удалось оттащить грузного лейтенанта от кровати, развернуть и пинками погнать ошалевшего от неожиданности мужчину к дверям. Девушка опомнилась, только когда в проёме появился доктор Ларионов в сопровождении двух срочников из числа выздоравливающих.

Глава 8. Если честно …

— На-ка, выпей, — Александр Павлович протянул стакан сидящей с непонимающим взглядом Насте. — Тебе надо успокоиться и прийти в себя.

— Это что, водка? — еле слышно спросила та.

— Помилуйте, королева! — дурашливо улыбнулся Ларионов, к месту вспомнив строки из бессмертного романа Булгакова. — Разве я позволил бы себе налить даме водки? Это чистый спирт.

Увидев, как округлились глаза помощницы, сердито прикрикнул:

— Пей, тебе говорят! Сейчас именно тот случай.

Улыбнувшись, заметив, как Настя ладонями загоняет воздух в широко распахнутый рот, надел очки и произнёс с задумчивым видом:

— Воистину, как у Некрасова: «В беде не сробеет — спасёт; коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт». Слово в слово про тебя.

Анастасия вскинула голову, посмотрела странным, расфокусированным взглядом и вдруг всхлипнула — жалко и беспомощно, как маленькая девочка, которая впервые в жизни столкнулась с настоящим горем.

— Он бы Олежку точно убил. Хорошо, что горшок под руку подвернулся.

— А я о чём? — удивился Ларионов. — Убил бы, если бы ты не остановила. Если честно, то мне стыдно перед тобой, — признался он через паузу. — Такое чувство, будто…

— Брось, Сан Палыч! — отмахнулась Настя. Спирт неожиданно быстро снял напряжение, и сейчас случившееся уже не казалось ей настолько ужасным. — Ты здесь ни при чём. Кто ж знал, что Габуния сволочью окажется? С виду добрячок-толстячок, а внутри гниль сплошная.

— Так-то оно так, — нехотя согласился Александр Павлович. — Только на душе всё равно муторно. Откуда только такие «габунии» берутся?

***

Вечером того же дня в комнату начальника отделения вошёл прокурор гарнизона. Не спрашивая разрешения, присел за стол и выставил бутылку «Столичной».

— Из Кабула привезли, — неестественно бодрым голосом пояснил подполковник, не поднимая глаз. — Давай, Володя… Открывай тушёнку, что ли, если другой закуси нет. Замахнём по сто грамм, проводим дурацкий день. Не знаю, как у тебя, а у меня с самого утра всё наперекосяк пошло. Одно, блин, к одному.

- Ничего больше не хочешь сказать? – Скривился майор медицинской службы. - Не находишь, что тебе и перед Ларионовым, и особенно перед сестрой извиниться надо? Решил бутылкой отделаться?

— Ну, не было у меня никого другого под рукой, — принялся оправдываться Юрий Анатольевич, по-прежнему не решаясь взглянуть на друга. — Все следаки, как назло, по делам разъехались. Пришлось Габуню к вам отправить.

Он грудью навалился на край стола и зачем-то перешёл на шёпот:

— Ты мне веришь, Володя? Я же буквально на пальцах объяснял лейтенанту, что дело — чистой воды формальность. Разжевал, можно сказать. А он втемяшил себе в голову непонятно что и попёрся права качать. Ума не приложу, что с ним делать. Уже и в армию докладывал, что от такого помощничка больше вреда, чем пользы, а в ответ одно и то же: «Не ломайте жизнь молодому офицеру. Воспитывайте и обучайте». Заботливые, блин! А то, что Габуния ради карьеры влёгкую другим жизнь сломает, — это как бы ничего… Как бы издержки производства. Сколько можно воспитывать взрослого мужика? И главное, как? Разговоры не помогают. В угол, что ли, ставить или обеда лишать? Несерьёзно. Может, ты что-нибудь посоветуешь? А, Владимир Иванович?

Заметив, что товарищ задумался, не к месту хохотнул:

— А всё-таки умница твоя Малышева. Такого кабана из палаты попёрла! Откуда только силы взялись. Надо будет с ней поближе познакомиться…

— Слушай, Юра, — перебил майор, осенённый идеей. — А твой Габуния на здоровье, часом, не жаловался? При его-то весе гипертония практически гарантирована.

— Да каждый божий день! — всплеснул руками прокурор. — Ленивый, вот и выдумывает себе болячки.

— Выдумывает? Как бы не так! — Владимир Иванович понял, что нашёл-таки решение. — Ты, ваше благородие, отправь-ка своего грузина к нам. Мы обязательно найдём у него «нужную» болезнь и так оформим документы, что ни армейская, ни окружная комиссии не подкопаются. Спишут на гражданку, как миленького. Понимаешь, Юрий Анатольевич? Не должен этот упырь человеческими судьбами распоряжаться. Мы с тобой права не имеем давать такую возможность. И если нельзя решить вопрос законным, вернее, формальным путём, давай пойдём медицинским. Для всех лучше будет. Только обещай, что в характеристике всё по-честному напишешь. Чтобы Габунию на гражданке в органы не взяли. Ну что, согласен?

— Целиком и полностью, — кивнул подполковник. Разлив водку по стаканам, осторожно поинтересовался:

— Кстати, а что со здоровьем твоего пациента?

— Плохо у него со здоровьем. Правда, не все анализы ещё собрали, но… Похоже, что серьёзные проблемы с печенью. Видимо, плен не прошёл даром. Впрочем, будем надеяться на лучшее. А что по твоей части? Что дальше думаешь делать?

— По существу нет никакого дела, — пожал плечами прокурор. — Завтра-послезавтра отправим запросы куда надо, на том и закроем. Ответы придут, подошьём к делу. Тебя это не должно волновать. Поставишь парня на ноги, отправишь в часть. Его судьбу по прежнему месту службы будут решать. Не подумай про меня плохого, но, если честно, то для нас это лучший вариант.

— Что? — криво усмехнулся Владимир Иванович. — «Баба с возу — кобыле легче»? Не слишком ли цинично?

— Не цепляйся к словам, дружище. Во всём должен быть порядок. Был бы он наш, тогда другое дело.

— Тебе виднее, — неопределённо вздохнул медик. — Подошьёшь бумажки, и на этом всё? Дело закрыто?

— Не совсем, — подумав, возразил Юрий Анатольевич. — Дружок Фролова у меня из головы никак не выходит. Сдаётся, встречал я уже где-то эту фамилию. Завтра обязательно выкрою время и лично просмотрю последние сводки. Может, найду в них пропавшего сержанта Павла Коробова.

Подняв стакан, исподлобья взглянул на друга:

— Ну что, брат? Третий тост. Стоя и не чокаясь…

Глава 9. Полдня из жизни доктора Ларионова

— Идём с опережением плана, — улыбнулся Ларионов, закончив осмотр Олега. — Крепкий у тебя организм, почти богатырский. Не знаю, как насчёт Муромца, но на Алёшу Поповича тянешь процентов эдак на пятьдесят. По крайней мере, за восемь лет практики я впервые сталкиваюсь с подобным. По-хорошему, тебе осталось лишь мясца нагулять да немного жирком обзавестись. Ну и, конечно, про пилюли забывать не следует. Без них, брат-разведка, никак нельзя.

Развернувшись к Малышевой, продолжил уже серьёзно:

— Вы, Анастасия Егоровна, внимательно следите, чтобы пациент все препараты своевременно принимал. Сами знаете, как оно бывает. Запустит какой-нибудь озабоченный гормонами ухарь слушок, мол, эти таблетки специально дают, чтобы либидо не зашкаливало и пошло-поехало. Полетели таблетки с витаминами в окошко. А потом жалуются, что плохо лечим. Я безотносительно Фролова говорю. Это всех больных касается.

- Есть, товарищ капитан! – То ли в шутку, то ли всерьёз откозыряла Настя. - Разрешите выполнять?

Ларионов недовольно поморщился, но промолчал. Он уже начал подниматься с места, однако Фролов неожиданно придержал его за локоть:

- Товарищ капитан. Скажите, а что дальше со мной будет? Следователь не шутил, когда посадить обещал. Насквозь гнилой летёха.

- Ааа… - Протянул Александр Павлович. – Ты об этом? Только давай договоримся при мне не употреблять казарменные жаргонизмы. Терпеть не могу солдатского фольклора. Поверь, Олег. Я тоже считаю, что лейтенант Габуния не достоин офицерского звания. Но раз уж так сложилось, то мы должны с уважением относиться хотя бы к его погонам. Ну что? Договорились?

Фролов от души порадовался, что загар не позволяет присутствующим увидеть, как покраснело лицо.

- Так точно, товарищ капитан. Больше не повторится.

- А вот палку перегибать не стоит. Мы ведь с тобой не чужие люди? Не чужие. Поэтому смело можешь обращаться ко мне по имени-отчеству. Теперь о главном. Насчёт следователя беспокоиться не стоит. Начальник крепко наказал чересчур ретивого лейтенанта. Правда, я не знаю, каким было взыскание. Но к тебе он точно больше не придёт. Я тебе больше скажу. – Продолжил доктор, понизив голос. – Мы с Настей, то есть с Анастасией Егоровной, на всякий случай рапорта подготовили. Для подстраховки, так сказать. Ладно. Отдыхай, набирайся сил, Олег. А я пошёл. Дел, понимаешь, по горло.

Дождавшись, когда за Александром Павловичем закроется дверь, Фрол с насмешкой взглянул на медсестру:

- Слушай. А к тебе как обращаться? Тоже по имени-отчеству? Или только по воинскому званию?

- Ну не Настюхой же? - Фыркнула Анастасия. - Так меня только Сан Палыч называет, и то исключительно в неофициальной обстановке. И вообще, в чём проблема, товарищ выздоравливающий?

Олег смутился и даже забыл спросить про дату на календаре. Вместо вопроса, мучавшего его целые сутки, он вдруг ни с того ни с сего выпалил в спину направляющейся к выходу сестры:

- Настя… Блин! Анастасия… Егоровна! А что такое «жаргонизм»? Док феню имел в виду? Так я вроде бы без мата.

Но Настя уже не слышала нелепого вопроса идущего на поправку сержанта Фролова. Старшина медицинской службы Малышева пыталась разобраться в себе.

***

Негромкий стук в дверь заставил оторвать взгляд от справочника:

- Входите. – Произнёс Ларионов. – Открыто.

В кабинет прошёл высокий подтянутый старший лейтенант с толстой кожаной папкой подмышкой. Немного приподнятые брови и добродушно-озадаченная улыбка придавали лицу выражение искренней радости от случайной встречи со старым добрым знакомым.

«Ну вот. – Подумалось Александру Павловичу. – Товарищ Габуния номер два. Только наоборот. В зеркальном отображении, так сказать. Что-то зачастили ребята. Похоже, теперь и молчи-молчи неймётся. Кажется, я этого парня в особом отделе встречал».

- Уполномоченный особого отдела старший лейтенант Капустин Виктор Станиславович. – Всё той же улыбкой представился офицер. - Для друзей просто Виктор. Разрешите присесть?

Ларионов едва заметно поморщился. Ему и в голову не приходило обзаводиться друзьями среди особистов. Не потому, что относился к ним предвзято, просто не доводилось. Случай как-то не подвернулся.

- Давайте ограничимся уставным словом «товарищ». - Кивком указав на стул, обозначил черту допустимого. - На мой взгляд, так будет проще и удобнее общаться.

- Согласен. Я не займу у вас много времени, Александр Павлович. Мне нужно переговорить с вашим пациентом Олегом Фроловым. Таков порядок. Вы не против?

- Зачем спрашивать, если «порядок таков»? – Усмехнулся доктор. - К нам на днях следователь прокуратуры приходил. С той же целью, кстати …

Капустин неожиданно хохотнул. Сейчас его глаза светились детским озорством:

- Если вы о моём друге и по совместительству соседе по комнате Габуни, то хочу заверить, что у нас с Дато кардинально противоположные взгляды на работу с контингентом.

- Габуни? – Удивился Ларионов. - Почему не Габунии?

- Мы его раньше так между собой звали. Для краткости. Он сначала обижался, а потом привык.

- Раньше? А теперь?

- Теперь «Кактусом». За глаза, конечно. Ну что, Александр Павлович, даёте добро? Мне Фролову, по существу, только фотографии без вести пропавших показать надо. Вдруг кого-нибудь узнает?

- Пойдёмте, товарищ старший лейтенант Виктор. – Поднялся из-за стола Ларионов. - Так и быть. Лично провожу и поприсутствую. Мало ли? Кактус ведь по-прежнему на окошке стоит. Только горшок у него новый.

Глава 10. Несколько месяцев тому назад-3

Тишина, изредка прерываемая позвякиванием металла, запах эфира и спирта. Фролов почувствовал, как сердце наполняется надеждой: «Бой реально был. Это к бабке не ходи. Я ранен и наверняка сильно контужен. Башку заклинило, вот и привиделся весь этот бред с пле-

ном… Если бы я был в плену, то проснулся бы в какой-нибудь вонючей яме, а не на операционном столе. Сто процентов. Интересно, что всё-таки с пацанами случилось? Они же вместе приходили ко мне? Приходили. Про Ромку всякую хрень несли. Наверное, я уже тогда был в отключке. Надо дать знать доктору, что я очнулся. Он всё объяснит».

Яркий свет операционных светильников не позволял открыть глаза, поэтому Олег пошевелил пальцами и тут же, как будто подтверждая счастливую догадку, откуда-то сверху донёсся чуть хриплый, но моментально ставший родным голос невидимого врача:

- Очнулся? Ну, вот и славно. Лежи спокойно, сынок. Тебе сейчас нельзя разговаривать.

Фрол из упрямства попробовал заговорить, однако, услышав собственное мычание, смирился и закрыл глаза. Исцеляющий сон, наполненный размытыми видениями, тут же овладел сознанием.

***

Почувствовав чьё-то прикосновение, Олег поднял веки и увидел склонившегося над ним немолодого мужчину в несвежем, испачканном кровью белом халате. Толстые стёкла очков делали глаза неестественно огромными, а короткая клинышком бородка и длинные с сединой волосы, выбивающиеся из-под колпака, придавали схожесть с доктором Айболитом из детского фильма. Однако, в отличие от тщедушного киногероя, реальный врач был выше среднего роста, широк в плечах, а под рукавами угадывались крепкие мускулы.

Олег слабо улыбнулся и, собравшись с силами, задал вопрос, который должен был укрепить уверенность в благополучном исходе «крайнего» поиска:

- Я в госпитале? – Произнёс он и тут же пристыжено умолк, услышав вместо собственного голоса сиплый писк.

Доктор выпрямился, убрал руки за спину, подумал и лишь затем нехотя ответил:

- Да. Ты в госпитале. Только не в нашем, а в самом что ни на есть душманском. Извини, что без подготовки. Короче, в плену мы с тобой, сынок. Тебя сюда совсем недавно привезли, а я здесь уже почти целый год. Такие вот дела …

Доктор продолжал говорить, но Олег уже не слышал его: горло сдавил удушливый спазм, а сердце зашлось в бешеном ритме. Он задыхался.

- Ты чего? – Заволновался врач. – Никак помирать собрался? Ты мне брось. Сейчас я тебе укол сделаю. Ты успокоишься и уснёшь. Тебе непременно надо заснуть. Ну, а когда проснёшься, я отвечу на все вопросы. Не переживай, сынок. У них очень хорошие препараты. Таких в Союзе днём с огнём не сыскать. Даже по блату. Я ведь в своё время в кремлёвской больнице работал. Даже там ничего подобного не было. Считай, что тебе крупно повезло. В этом смысле, конечно. Потерпи совсем немного.

Кое-как собравшись с силами, Фролов повернул голову и с ненавистью уставился в спину хирурга. Ему уже было наплевать на состояние голосовых связок, тональность речи и последовательность фраз. Из глубины памяти всплыло словцо, услышанное им в бесшабашной юности от соседа-урки:

- Какой нафиг укол, лепила? Кому это нужно? Ты мне лучше спирта дай. Потом, когда я отрублюсь, прирежь скальпелем или ножом каким-нибудь. С тебя ведь не спросят. Ну, подох пленный и подох себе на здоровье. Одним больше, одним меньше. Какая духам разница? И вообще … Ты как здесь оказался? За доллары ихние грёбаные продался? За бабки служишь? Молчишь? Сказать нечего? То-то же.

Вспышка отняла много сил, однако Олег заставил себя приподняться в ожидании реакции. Он ничуть не раскаивался в выходке. Напротив, ему казалось, что так он сумел, пусть даже не напрямую, а через предателя-посредника, отомстить душманам за гибель товарищей и своё пленение.

- Ты смело можешь обращаться ко мне Игорь Иванович или просто Иваныч. – Совершенно спокойно произнёс доктор, закончив манипуляции со шприцем. – Меня так в прошлой

жизни звали. Наверное, сто лет назад. А теперь у меня нет ни имени, ни отчества, ни документов. Впрочем, неважно. Свыкся уже. Вот что, дружок. Я буду называть тебя Сынок. Не злись, мне можно. Я лет на тридцать с гаком постарше буду. Теперь ложись и расслабься. Укол сделаю и дальше пойду. У меня ещё пять пациентов, кроме тебя. Из наших ты один. Остальные из местных.

Невозмутимый тон подействовал должным образом: тревожное возбуждение как-то вдруг сменилось вялым безразличием; Олег, словно находясь под гипнозом, послушно опустился на спину и закрыл глаза. Безропотно поработав кулаком, он попытался вникнуть в смысл слов Игоря Ивановича, но мозг, не выдержав недавнего напряжения, отключился ещё до окончания процедуры.

- А что делать? – Пожал плечами доктор, опуская шприц в металлический лоток. - Больные, они и есть больные. – Продолжал убеждать самого себя. - Вне зависимости от национальности, партийной принадлежности и вероисповедания. К тому же я клятву Гиппократа давал. Это потом, в начале семидесятых, вместо неё присягу врача придумали. Как в армии. Зачем? Не знаю. Ладно. Отдыхай, Сынок. Вернусь после обхода и всё тебе расскажу без утайки. Ничего скрывать не собираюсь. Как знать, вдруг пригодится?

***

Начальник лазарета боялся и уважал русского доктора. Алим прекрасно понимал, что его жизнь целиком и полностью зависит от Игоря Ивановича, поэтому даже не пытался подчеркнуть своё старшинство. Напротив, он всячески старался угодить единственному подчинённому и даже закрывал глаза на пристрастие к алкоголю. Впрочем, тот знал меру и, понимая положение своего, по сути, товарища по несчастью, никогда не переступал известную черту. Русскому хватило два или три месяца, чтобы научится сносно разговаривать на наречии местных племён - своеобразной смеси фарси, дари и английского языка. В общем, они были вполне довольны сложившимися отношениями, однако старались общаться исключительно по рабочим вопросам.

Выйдя от начальника укрепрайона, Алим поспешил к Игорю Ивановичу, чтобы передать распоряжение насчёт пленного сержанта.

- Что привело вас, уважаемый, в мою скромную обитель? – Хозяин комнаты даже не подумал убрать со стола склянку со спиртом. – Буквально час назад я осмотрел пациентов и рассчитывал провести остаток дня в философских беседах со своим единственным другом по имени Вокатус Медицинский. Надеюсь, вы не станете возражать, милейший?

Бывший уездный ветеринар не собирался читать нотаций заметно захмелевшему хирургу, но всё же счёл нужным сокрушённо вздохнуть:

- Я бы предпочёл увидеть в ваших руках Коран. – Увидев, как помрачнело лицо собеседника, поспешно перешёл к делу. – Я не займу у вас много времени, Доктор. Нашего господина, многоуважаемого Махди, тревожит состояние пленного сержанта. Он сильно разгневался, узнав, что молодой человек может лишиться руки.

- Надо же? - Иронично вздёрнул брови Игорь Иванович. – Ваш … пардон, наш хозяин способен сострадать раненному кяфиру? Вряд ли на земле можно найти такого же мудрого и милосердного правителя, как господин Махди.

Алим, привыкший к провокационным выходкам подвыпившего коллеги, предпочёл не ввязываться в опасную дискуссию о достоинствах начальства. Взглянув на часы, чтобы обозначить ограниченность во времени, задал главный вопрос, ради которого пришёл:

- Скажите, Доктор, так ли необходима ампутация конечности?

- Хочу напомнить, что это было ваше, а не моё предложение. – Усмехнулся Игорь Иванович. Приподняв склянку на уровень глаз и убедившись в достаточном количестве спирта, продолжил, явно намереваясь закончить разговор. – Нет, уважаемый коллега. Ни о какой ампута-

ции и речи быть не может. Пуля не задела кость, и если бы ваши кретины не «обработали» рану кипятком и солью, то парень уже через неделю был бы практически здоров. Зачем вы пришли? – Прищурился доктор, пытаясь сфокусировать взгляд. - Хотите узнать, можно ли перевести русского мальчика в зиндан? Ведь так, Алим? Скажу честно: если вашему-нашему хозяину нужно, чтобы он умер, то можно. Прямо сию минуту.

Начальник лазарета едва заметно поморщился. Он был терпеливым человеком, однако всему есть предел.

- Нет, уважаемый! – Слегка повысил голос Алим. - Я пришёл, чтобы сказать, что в нашем распоряжении есть целая неделя. Именно такой срок определил господин Махди. Он рассчитывает, что мы сможем исцелить сержанта …

- Зачем? - Нетерпеливо перебил Игорь Иванович. - Махди хочет обменять его на своих людей?

- На всё воля Аллаха. – Пожал плечами Алим. - Быть может, вы и правы…

***

Услышав звук открываемой двери, Фролов отвернулся к стене. Ему очень хотелось о многом расспросить доктора, но он не сумел побороть в себе непонятную обиду.

- Дуешься, значит? – Угадал настроение Игорь Иванович. – Обижаешься. Может, оно и правильно, что не доверяешь. Я бы на твоём месте тоже не доверял. Вот только скажи мне, родной, какие такие секреты я собираюсь у тебя выведать? Номер воинской части они знают из твоих документов, а больше с тебя взять нечего. Давай мы с тобой поступим следующим образом. Я вкратце расскажу, как здесь оказался, а затем, вне зависимости от того, поверишь ты мне или нет, доложу мои соображения насчёт твоего будущего. Ну что? Договорились? Или дальше капризничать будем?

- Я не капризничаю – Буркнул Олег. – Просто настроение плохое.

- Согласен. – Кивнул доктор. – Повода для веселья нет. Однако и паниковать не стоит, потому что ты идёшь на поправку, а значит, не всё потеряно, дружок. Короче. Времени у нас с тобой немного. Мне ещё больных осматривать…

- Каких «больных»? - В нетерпении перебил Фролов. - Пленных?

- Нет, Сынок. Ты у меня один из этой категории. Остальные - местные жители. Правда, слышал, что в крепости есть пленники. Кто такие, не знаю. Может, из наших, а может, из враждебных племён. Сам знаешь. Афганцы — это ведь общее название. Народностей здесь много. Они между собой часто конфликтуют. Днём пленные вроде бы работают на стройке, а ночью их снова в ямы отправляют. Сам не видел. Люди говорили.

- Понятно. – Вздохнул Олег. - Всё. Больше не буду вас перебивать.

Игорь Иванович улыбнулся и вдруг почувствовал себя студентом-первокурсником, сидящим перед строгим и непреклонным экзаменатором. «Чего это я? – Встревожился он. – Перед мальчишкой оробел? Нет. Так нельзя. Того и гляди, начну заискивать. Ему от меня помощь нужна, а я собрался своими проблемами грузить. Нехорошо. Стыдно. Это всё алкоголь. Не надо было мне вчера пить. Ладно, Алим. Ему не впервой. Перед пацаном неудобно. Дышу перегаром, как последний алкаш».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.